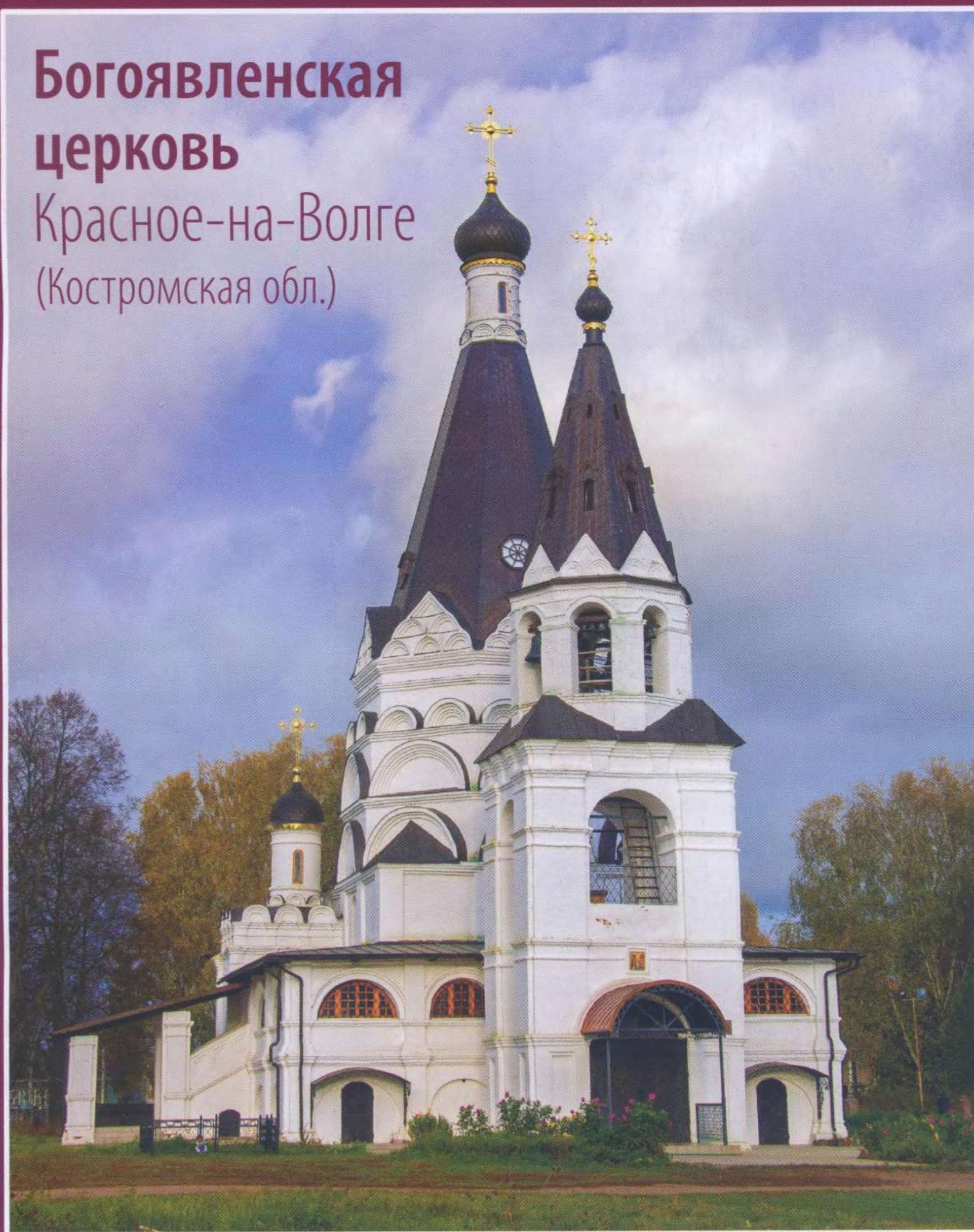
VISIT…

LANZAROTE

Caliente.COM

ПРАВОСЛАВНЫЕ
Храмы
путешествие по святым местам

№ 91

Богоявленская церковь
Красное-на-Волге
(Костромская обл.)

Рождение шедевра
Царева родня

Окрестности
Здесь оживает память

Судьбы
Старший товарищ

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 18 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

ISSN 2304-0068

Оглавление

Эпоха

Мученик магии 3

Рождение шедевра

В вотчине Годуновых 4

Через века

«В том селе Красном...» 8

Святыни

Новые древности 12

Облик

Московская родня 14

Окрестности

Город купцов и художников 20

Судьбы

Добрый барин 24

Современная жизнь

Центр поселка 31

**«Православные храмы.
Путешествие по святым местам»**
Выпуск №91, 2014
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва, ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Наталия Василенко
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 600001, г. Владимир, а/я 30, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам». Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ №ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Государственной регистрационной службы Украины КВ №18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 (17) 331-94-41

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 18 900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ООО «Компания Юнивест Маркетинг», 08500, Украина, Киевская область, г. Фастов, ул. Полиграфическая, 10

Тираж: 55 600 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2014

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 03.06.2014

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 3: (лев.) © А. Бочинин/РИА Новости, (прав.) © Валерий Военный/Фотобанк Лори; 4: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 5: (верх) © Александр Щепин/Фотобанк Лори, (низ) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 6: © Fine Art/EastNews; 6/7: (на развороте) © Наталия Румянцева/Фотобанк Лори; 7: (верх) © Fine Art/EastNews, (низ) © Наталия Румянцева/Фотобанк Лори; 8: © Ирина Бурмистрова/Фотобанк Лори; 9: (верх, обе) © Fine Art/EastNews, (низ, лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (центр, прав.) © Валерий Шустов/РИА Новости; 10: (верх) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 11: (верх) © Павел Балабанов/РИА Новости, (центр) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Сергей Субботин/РИА Новости; 12/13: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 14: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © lana1501/Фотобанк Лори; 15/18: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 19: (верх, лев.) © Александр Алексеев/Фотобанк Лори, (верх, прав.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 20: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 20/21: (на развороте) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 21/23: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 24: © Fine Art/EastNews; 24/25: (на развороте) © Яна Королёва/Фотобанк Лори; 25: (центр) © Fine Art/EastNews, (низ) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 26: (обе) © Fine Art/EastNews; 27: (лев.) © Ярин/РИА Новости, (прав.) © Fine Art/EastNews; 28: (верх) © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2014 г., (центр) © Наталия Румянцева/Фотобанк Лори, (низ) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 29: (верх) © РИА Новости, (низ) © К.А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 30: (обе) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 31: (верх) © С.А. Рубис, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини».

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

Мученик магии

Джордано Бруно считается одним из первых мучеников науки в истории Нового времени. Процесс над ним и его казнь обычно приводятся в доказательство мракобесных повадок Римского престола. Нет, практика сжигания людей за те или иные убеждения не находит в нас сочувствия. Но и Джордано Бруно — мученик не науки, а чего-то другого.

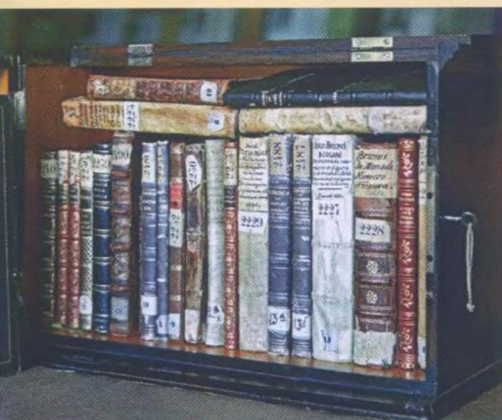

В 1889 году на месте сожжения Джордано Бруно был открыт памятник ему с выспренним посвящением: «Джордано Бруно — от столетия, которое он предвидел, на том месте, где был зажжен костер».

В 1592 году был арестован Джоржано Бруно. Он провел восемь лет в тюрьме и, будучи признан «нераскаявшимся, упорным и непреклонным еретиком», был сожжен в Риме на Кампо деи Фьори 17 февраля 1600 года, войдя одним из первых в пантеон «светил свободной мысли, от инквизиции умученных».

С точки зрения современной науки, доминиканского монаха Джордано Бруно нельзя назвать ученым (это, конечно, не отменяет того, что жечь людей вообще нехорошо). Всем отраслям современного ему знания он предпочитал магию, склоняясь к герметическому учению в том его виде, в каком оно бытовало в среде европейских алхимиков. Магом Джордано Бруно считал и Христа...

Нелепо было бы видеть — а между тем веками господствует именно этот взгляд — в конфликте Бруно и Ватикана конфликт между наукой и религией. Бруно не создал полноценной научной теории, в своих построениях он опирался не на естественнонаучные наблюдения или математические расчеты, а на сомнительного свойства эзотерические философемы. Повторимся, все это не означает, что Бруно «правильно сожгли». Это означает лишь то, что он был осужден не как ученый, но именно как беглый монах, еретик, ставивший под сомнение действенность Таинств, Боговоплощение от Девы, искупительное значение крестной смерти Спасителя и учивший о переселении душ.

Книги Бруно были включены Католической Церковью в Индекс запрещенных книг и не переиздавались. Многое из его писаний сохранилось только в так называемом «Московском кодексе» (на фото) — собрании рукописей, которое приобрел А. С. Норов и впоследствии передал Румянцевскому музею.

События эпохи

1585 Гибель завоевателя Сибири Ермака Тимофеевича.

1586 Мастер Андрей Чохов отлил в Москве на Пушечном дворе Царь-пушку.

1587 Казнена низложенная королева Шотландии Мария Стюарт.

1589 В Москве учреждено Патриаршество. Первым Патриархом Московским становится святитель Иов.

1590 Основан Саратов.

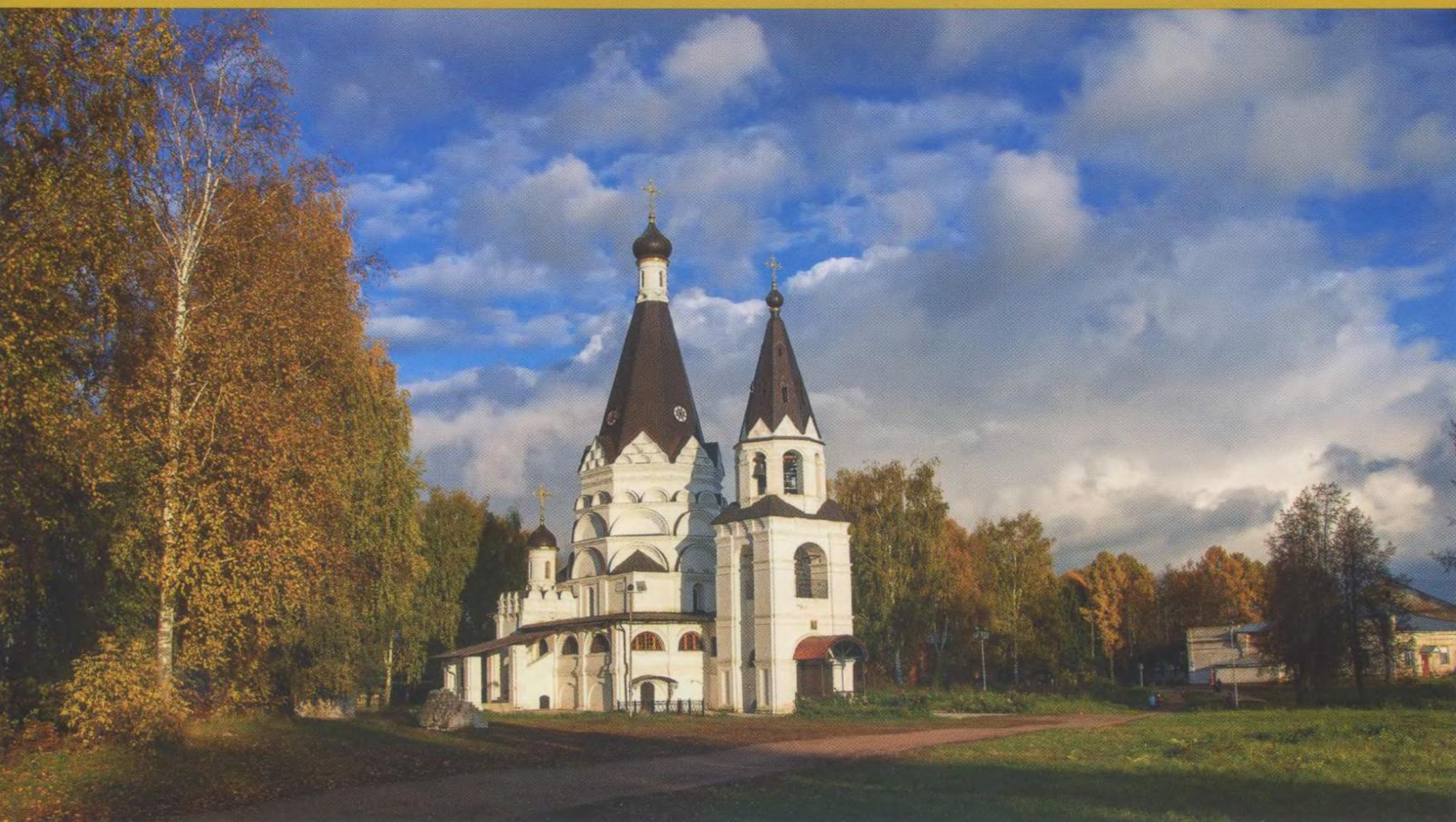
1592 В селе Красном построен на средства Дмитрия Ивановича Годунова Богоявленский храм. В Венеции арестован Джордано Бруно.

1594 Генрих IV, основатель династии Бурбонов, коронован в Париже.

1597 В Нагасаки казнены 26 японских мучеников за Христа.

1598 В Москве состоялось венчание на царство Бориса Годунова.

1600 Джордано Бруно сожжен в Риме на Кампо деи Фьори.

В вотчине Годуновых

Один из красивейших храмов Костромской земли — и единственный в ее пределах шатровый храм — появился в селе Красном в ту эпоху, когда им владели Годуновы, стремительно возвысившиеся во второй половине XVI века.

▲ *Ни один другой силуэт, кажется, так не сроден русской природе, как шатровый. Именно поэтому так полюбился он отечественным строителям, воплощавшим его сначала в дереве, а затем в камне.*

Село Красное, очевидно, гораздо старше первого документального упоминания о нем (1569 год). Местность на берегу Волги была слишком хороша, чтобы долго пустовать, не зря же ее назвали «красной», то есть «красивой» (к советскому новоязу топоним села отношения не имеет). Кроме того, здесь сходились важные торговые пути, неподалеку, всего в тридцати пяти верстах, уже в XII веке была основана Кострома, так что жители Красного имели существенные экономические выгоды от расположения села. Как утверждают краеведы, с древнейших времен здесь находилась пристань, где останавливались купеческие струги.

«Взял государь у меня то село Красное...»

На протяжении некоторого времени село принадлежало представителям фамилии Воронцовых-Вельяминовых, потомкам полулегендарного мурзы Чета, приехавшего из Орды, крестившегося и поступившего на службу к московскому великому князю. В 1567 году Костромской уезд взяли в опричнину, а старых вотчинников выселили, предоставив им, впрочем, некую компенсацию. Первый документ, где упомянуто Красное, как раз и свидетельствует об этой компенсации, полученной Иваном Воронцовым-Вельяминовым за изъятое у него село Красное: «Се аз Иван Дмитриевич сын Воронцов дал в дом Троицы сельцо Наместково в Бежецком верху, а меня Ивана пожаловал царь и великий князь тем сельцом Наместковым с деревнями вместо моей вотчины села Крас-

Памятник первому Патриарху Московскому Иову на его родине, в Старице. Именно при Патриархе Иове и с его благословения строился в Красном Богоявленский храм.

ного с деревнями, что взял государь у меня то село Красное в Костромском уезде».

С тех пор Красное числилось дворцовым селом, пока не перешло в руки Годуновых, стремительно возвысившихся при Иване Грозном и его сыне Федоре, и, таким образом, вернулось к потомкам уже упомянутого нами Чета: Годуновы, как и Вельяминовы, вели свое происхождение от него.

Каменный храм

В 1592 году, согласно записи в клировой ведомости (датировку эту подтверждал и П. А. Раппопорт, видный исследователь древнерусского зодчества), в Красном появилась каменная церковь в честь Богоявления — по всей видимости, на месте существовавшего издревле деревянного храма (просится утверждение, что — шатрового, но чего не знаем — того не знаем). Строилась новая церковь по благословению Патриарха Иова на средства Дмитрия Ивановича Годунова, дяди «почти уже царя».

Храм был возведен шатровым — в новом вкусе. До того в костромской глуши шатры видали только на деревянных церквах. И, вероятно, работали в Красном не местные мастера, а приезжие. Во всяком случае, некоторые приемы, нашедшие применение на здешней строительной площадке, обнаруживают знакомство зодчих с московскими шатровыми памятниками. Логично было бы предположить, что церковь в Красном сооружали именно москвичи, ведь Годуновы к описываемому времени прочно укоренились в стольном граде.

Выглядела первоначально Богоявленская церковь несколько иначе, чем теперь. Она представляла собой простой восьмерик на четверике, увенчанный шатром. Приделов и колокольни тогда не существовало, они появились лишь в XVII веке. Несомненно, в таком «обнаженном» виде наследование каменной архитектуры деревянной было еще более наглядно, чем теперь.

Плащаница, вложенная в Ипатьевский монастырь Ириной Годуновой. Вполне возможно, что и в Богоявленской церкви имелись предметы, происходившие из царицыных мастерских: ведь ктитором и Богоявленского храма, и Ипатьевского монастыря был ее дядя Дмитрий Иванович.

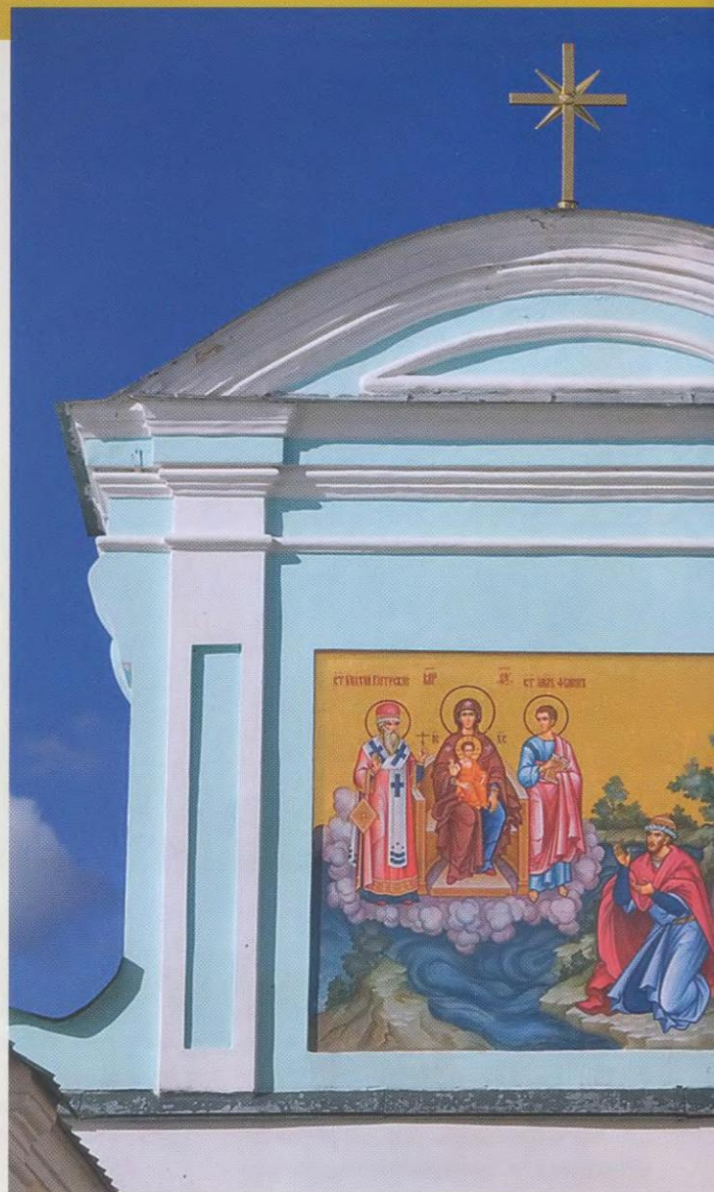
О каменном шатровом зодчестве

К середине XV века Москва, окрепшая политически и экономически, успела выработать свои собственные, вполне определенные художественные идеалы, которые находили себе осуществление в области деревянного зодчества. Но выразить эти идеалы в формах каменной церковной архитектуры мешало отсутствие технических знаний у наших зодчих. Они пополнили этот пробел, приглядевшись к работам итальянских мастеров, и довольно быстро овладели технической стороной строительного дела…

Как только мастера убедились на деле, что техника, по крайней мере в применении к церквам старого типа, уже находится в их руках… тотчас же все их помыслы обратились в другую сторону — к осуществлению родных им эстетических потребностей; почувствовав под ногами твердую почву, некоторые зодчие стали отказываться от мотивов уже выродившейся и по существу чуждой народному духу архитектуры и начали придавать своим произведениям те жизненные, правдивые и мощные формы, которые коренились в области деревянного зодчества и были понятны не только им — специалистам строительного дела, — но и всему народу… Если первые опыты, до нас не дошедшие, представляли собою простой перенос форм деревянных в каменные, простое подражание, то те памятники, которые сохранились, являются уже следствием творческой работы, где вопросы конструкции играют второстепенную роль.

М. Красовский. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества (1911)

Годуновы

▶ *Явление Пресвятой Богородицы мурзе Чету. Роспись Святых ворот Ипатьевского монастыря.*

СВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ Годуновы вели, как уже говорилось, от некоего мурзы Чета, выехавшего из Золотой Орды и поступившего на службу к Ивану Калите. С этим «выездом» связано любопытное предание. Согласно ему, по дороге в Москву ордынец занемог и, остановившись близ Костромы, в тонком сне увидел Пресвятую Богородицу с апостолом Филиппом и святителем Ипатием Гангрским. Божия Матерь пообещала Чету исцеление. Выздоровев и благополучно прибыв ко двору великого князя, Чет крестился с именем Захария и испросил у Калиты позволение основать монастырь на том месте, где ему было видение. Монастырь получил название Ипатьевского.

От Захарии произошли, как указывают старинные родословцы, Сабуровы, Шеины, Вельяминовы и Годуновы. Достоверность предания о мурзе вызывает в настоящее время сомнения (так, С. Б. Веселовский считал род Захарии костромским, а возникновение легенды о татарском происхождении Годуновых относил к последней трети XVI века, когда те, возвысившись, стремились придумать себе «интересную» биографию).

Как бы ни было, Кострому и ее окрестности Годуновы считали в некотором смысле своей духовной родиной. Они с большим вниманием относились к нуждам Ипатьевского монастыря, и именно на вторую половину XVI столетия, когда потомки Чета вплотную приблизились к трону, приходится расцвет еще недавно очень скромной обители. В особенности активно каменное строительство велось здесь в 1580—1590-е годы.

Главным благотворителем выступал в данном случае Дмитрий Иванович Годунов. С 1586 по 1591 год он, как свидетельствует монастырская вкладная книга, пожертвовал «на каменное дело» около 1000 рублей (очень серьезные деньги по тем временам) и несколько деревень. Исправно пополнял он и монастырскую ризницу.

Как замечает искусствовед М. М. Постникова-Лосева, «по отношению к Ипатьевскому монастырю Дмитрий Иванович был не обычным вкладчиком. Он не только обогащал ризницу новыми вещами, но неустанно заботился о ее состоянии, лично пересматривая ее содержимое при частых посещениях монастыря, входя во все мелочи и внося различные изменения и исправления, которые он считал нужными с эстетической точки зрения». Это замечание косвенно обнадеживает нас и относительно убранства Богоявленской церкви в Красном.

В 1590-е годы Дмитрий Иванович Годунов находился на пике своей карьеры, был наместником в Великом Новгороде, а с 1598 года ведал Конюшенным приказом. Но после смерти царя

◀ *Набросок И. Е. Репина (1844—1930) «Борис Годунов у Ивана Грозного». Возвышением при дворе Борис был обязан своему дяде Дмитрию Ивановичу. Последний, став в 1567 году государевым постельничим, взял себе в помощники пятнадцатилетнего племянника. С этого и начался путь Бориса к престолу.*

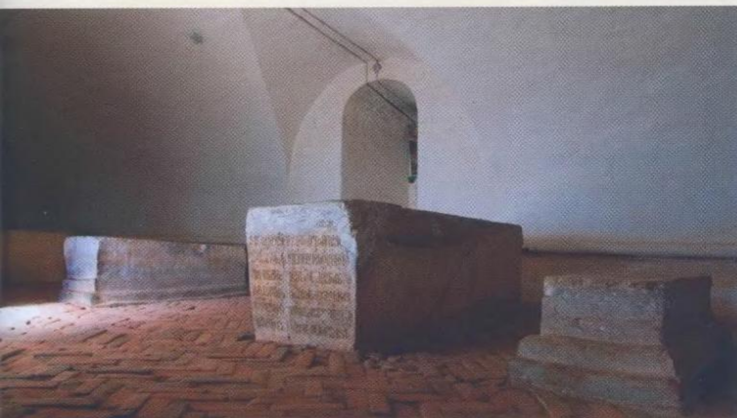
▲ *«Последние минуты жизни семьи Годуновых», картина Н. П. Шаховского (1850—1923). Несчастный юноша, царствовавший немногим больше месяца после смерти отца, и его мать были убиты изменниками, а сестру Федора Ксению ждала участь куда худшая...*

Бориса все пошло прахом: Лжедмитрий отправил Годунова в ссылку, где он и умер в 1605 году. Похоронили его в Ипатьевском монастыре.

Известны в русской истории и другие Годуновы (помимо Бориса Федоровича, конечно). Например, небезынтересна фигура троюродного брата царя Бориса, Григория Васильевича. Он, как передают летописцы, отличался набожностью, в связи с чем снискал к себе особое расположение царя Феодора Иоанновича. Григорий Годунов был при нем, когда тот молился об избавлении Москвы от нашествия Казы-Гирея. Перед смертью (а он успел умереть до событий Смутного времени, в 1598 году) боярин принял постриг с именем Христофор. Погребли его всё в том же Ипатьевском монастыре, которому он, как и Дмитрий Иванович, щедро благотворил.

Другому Годунову, окольничему Ивану Ивановичу, посчастливилось меньше. При Лжедмитрии I он был заключен в тюрьму, а затем отправлен в ссылку, где находился вплоть до воцарения Василия Шуйского. В 1610 году Ивана Годунова захватил в Калуге Лжедмитрий II. Сброшенный по приказу самозванца с башни, Годунов остался жив. Тогда его вывезли на середину Оки и кинули в воду, но и тут пленник «не захотел» умирать сразу. Он схватился за борт лодки, и только после того, как ему отсекли руку, утонул.

Вообще, в Смутное время род Годуновых изрядно поредел: в 1603 году, накануне смутных событий, скончался Степан Васильевич Годунов, в 1605 году умер «напрасной смертью» Семен Никитич Годунов (его то ли задушили, то ли уморили голодом приспешники Лжедмитрия I), в 1607 году окончил свой земной век Яков Михайлович Годунов, сосланный в Свияжск. Это не говоря о смерти Бориса Годунова и гибели его сына Федора в 1605 году. Тем не менее фамилия Годуновых прослеживается до 1704 года, когда скончался стольник Григорий Петрович Годунов. Оба его сына умерли в младенчестве. Род, чуть было не давший России правящую династию, пресекся.

◄ *Усыпальница Годуновых в Ипатьевском монастыре. Здесь лежит прах Дмитрия Ивановича Годунова, строителя Богоявленской церкви в Красном.*

«В том селе Красном...»

▲ *Ипатьевский монастырь, с которым «размежевывалось» село Красное.*

Ценитель церковной старины должен особенной любовью любить Костромскую землю с ее древними селами и храмами. Увы, многие из этих храмов, как и Богоявленская церковь в Красном, пережили в XX столетии разорение и поругание.

В XVII веке Красное, недолго побыв в руках Годуновых, вновь стало дворцовым. В 1648 году по цареву указу дьяк И. Языков с подьячим Г. Богдановым производили отмежевание его земель от соседних угодий (принадлежавших, по большей части, Ипатьевскому монастырю), о чем в переписных книгах сохранилась соответствующая запись: «Лето 7157 по государеву указу и грамоте из Приказа Большого дворца за приписью дьяка Ивана Федорова, Ивана Семеновича Языкова, да подьячего Григория Богданова государева дворцового села Красное в деревни да в вотчину Ипатьевского монастыря села Нефедова, села Ивановского, да села Прискоково в деревни ездили и те деревни государева дворцового села Красного от вотчин Ипатьевского монастыря отмежевывали, а на межевании были дворяне: Павел Карцев, Илья Бедарев, Андрей Бутаков, да крестьяне князя Василия Волконского, Андрея Головина. Да к той же подписи села Красного Богоявленский поп Григорий вместо крестьян руку приложил».

Храм упомянут в этом деловитом тексте лишь косвенно, как место служения попа Григория, «приложившего руку» к документу вместо неграмотных поселян; ни о состоянии церкви, ни об ее убранстве ничего не говорится: не за тем приехали в Красное «государевы люди». Только и понимаем, что храм действовал, служба вершилась.

«Церковь Богоявления Господа Бога и Спаса нашего каменная...»

В конце XVII столетия Богоявленская церковь обзавелась шатровой колокольней — в целом созвучной облику храма, хотя в сравнении с его мощным шатром несколько как бы «робкой».

Село между тем росло, и один храм не мог удовлетворять его потребностей. В начале XVIII века в Красном было уже, считая Богоявленскую, четыре церкви. «В Костромском уезде, — сообщает описание села, сделанное в 1717 году, — великого государя в дворцовом селе Красном церковь Богоявления Господа Бога и Спаса нашего каменная да три церкви деревянные: Похвалы Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца и Пророка Ильи. При тех церквах три двора поповых, а людей в них мужского пола 10 человек,

женского 16 человек, да двор дьячка, двор пономаря, да 14 келий, а в них 6 стариц да 25 вдов и девок кормятся при церквах Божиях подаянием мирским. У попа Гаврила на огородней земле в избе живет нищий Петр Вахрамеев — 76 лет, вдов и у него сын Спиридон 30 лет хром».

Это же описание в известной степени объясняет и род занятий жителей Красного, рассказывая о «Конюшенной слободе», «а в ней живут того села Красного приказчики и Красносельской кобыличьей конюшни подьячие и стадные конюха, два двора подьячих да 13 дворов стадных конюхов». Значит, разводили лошадей — не иначе как для царских нужд. И, кроме того, ловили рыбу: «В том селе Красном рыбных ловцов 6 дворов, людей в них мужеского полу 11 человек, женского 14».

«Село Красное с 325 душами...»

Участь дворцовых крестьян сравнительно с крепостной долей была, несомненно, счастливей. Но вскоре красноселам пришлось «примерить» на себя и помещичье ярмо. Екатерина II, пришедшая к власти на остриях дворянских шпаг, после воцарения щедро раздавала верным людям казенные имения. 30 ноября 1762 года она легкой рукой пожаловала «село Красное с 325 душами» «бывшей при дворе нашей фрейлине Прасковье Бутаковой, которая ныне в замужестве лейб-гвардии Конного полка за поручиком бароном Сергеем Строгановым, да брату ее родному того же полка отставному ротмистру Петру Бутакову».

▲ *Шатровую колокольню Богоявленская церковь получила ближе к столетнему юбилею своего существования.*

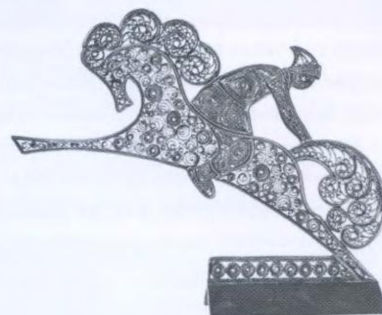
▲ *«Портрет Екатерины II в коронационном платье» кисти Вигилиуса Эриксена (1722—1782).*

Помимо Красного, П. Г. Бутаков и его сестра получили также Рыбную слободу Переславля-Залесского да в том же Переславском уезде село Еськово — всего более 1 000 душ мужского пола. Но толком побыть богатой помещицей Прасковье Григорьевне не пришлось: в 1763 году она умерла, и ее часть перешла к брату Петру. Тот также скончался бездетным, и по смерти его все богатейшее наследство сосредоточилось в руках его вдовы Авдотьи Николаевны. Впрочем, по тогдашним законам ей причиталась лишь одна четвертая часть имения мужа. Остальное, за неотысканием наследников, переходило в категорию «выморочного» и должно было возвратиться в казну.

А дальше начался длительный «передел собственности». С одной стороны, сыскался дальний родственник Бутакова, служивший к моменту его смерти в Селенгинском уезде. С другой — крестьяне Рыбной слободы и Красного подали на высочайшее имя прошение, в котором выражали желание вернуться в Дворцовое ведомство, указывая на свои давние привилегии и обязанности по отношению ко двору. Но дальний родственник не собирался так просто отказываться от блестящих перспектив и тоже подал прошение на высочайшее имя. Екатерина II переслала его в Сенат для рассмотрения, и тот вынес почти соломоново решение: признать Н. Д. Бутакова состоящим в родстве с П. Г. Бутаковым и, следовательно, его единственным законным наследником, вопрос же об участи крестьян Красного и Рыбной слободы оставить на монаршее усмотрение. Екатерина в подробности дела, кажется, не входила и начертала на поданных ей бумагах:

▲ *Павел I на портрете работы Жана Луи Вуаля. При Екатерине II красненским поселянам, закрепощенным в 1762 году, все-таки удалось избавиться от помещичьей власти над собой, но Павел вновь «пожаловал» их отцу П. А. Вяземского.*

▲ *Красненцы издавна занимались ювелирным ремеслом. Обычное приданое в семьях местных ювелиров — пуд серебра (с тем чтобы молодые могли начать собственное дело). На фото: Конек-Горбунок, изделие Красносельского ювелирного завода (1960-е).*

Так выглядел ансамбль Богоявленской и Петропавловской церквей в Красном на рубеже XIX—XX веков.

Письмо диакона Бориса Чижова жене Анне Егоровне

Милая и дорогая моя Аннушка, письмо твое получил в среду 29-го и тут же пишу тебе. В Красное я прибыл 25-го, а 26-го уже служил. В селе два больших храма, а третий кладбищенский и имеются три хора — весь приход заключается в одном селе, — деревень нет, это огромное село в 3 000 душ, тут имеются почта, больница, городское училище, техническое, министерское, два приходских и родильный пункт. Народ зажиточный, занимается изделием крестов тельных, колец, серег, браслетов и брошек из золота и серебра, приход очень богатый — псаломщику в год приходит с лишком 500 рублей — вопрос в том, как-то я понравлюсь приходу. Но пока еще ничего не слышно. Багаж я переправлю весь, поеду за ним на станцию 2-го числа ноября, а за тобой надеюсь приехать сам, как будет получше дорога. Хоть бы уже скорее переправить — очень одному скучно. Сейчас пока нахожусь на квартире, а дом мой будут ремонтировать — а пока за квартиру будет платить церковный староста. Значит, будь здорова, покойна и жди дороги и помаленьку готовься к отъезду. Надо бы тебе купить машинку швейную, без нее не ловко быть, ну да еще-еще перепишемся как-нибудь... Будь здорова, целую тебя и деток, а также родных всех — больным желаю выздоровления.

29 октября 1914 года

«Понеже Сенат находит, что оное имение надлежит по праву Николаю Бутакову, то и отдать ему». Тут уж всхлопоталась и Авдотья Николаевна Бутакова, оскорбившаяся тем, что пожалованные ее покойному мужу имения перейдут безвестному дальнему родственнику. Сенат вынужден был пересмотреть решение и в итоге постановил: Николаю Бутакову отдать наследственные бутаковские деревни в Костромской и Буйской округах, ¼ имущества оставить вдове, а остальное возвратить в Дворцовое ведомство. Так красненские крестьяне на некоторое время избавились от помещиков, а Николай Бутаков получил вместо чаемой тысячи душ всего семьдесят семь.

Уже вскоре, однако, вновь начался процесс закрепощения жителей Красного. В 1797 году Павел I пожаловал бывшему секретарю матушки А.В. Храповицкому 600 душ в Костромском уезде, в том числе 17 душ в интересующем нас селе. А несколько позже Красное было подарено А.И. Вяземскому за заслуги перед Отечеством и перешло по наследству к его сыну Петру.

Петр Андреевич в Красном не жил, но часто бывал здесь. А в 1827 году, когда в селе случился большой пожар, выделил серьезные суммы для помощи погорельцам. Неизвестно, сколь сильно пострадала тогда Богоявленская церковь и потребовался ли ей ремонт, но вот барский дом сгорел, и Вяземский решил его не восстанавливать.

По всей видимости, тогда же сгорели и деревянные храмы. Какие из них восстанавливались, какие нет, мы не знаем. К началу XX века, во всяком случае, в селе существовал ансамбль из двух храмов — холодного Богоявленского и теплого Петропавловского, построенного в характерном «тоновском» стиле в 1860-е годы на деньги прихожан. Еще была кладбищенская церковь. Приход в селе считался один, клир составляли два священника, диакон и псаломщик.

«В тот же день беспощадно расстреляно...»

Трагическую страницу в историю Красного и Богоявленской церкви вписал июль 1919 года. В советской историографии событие, о котором пойдет речь, именовалось «красносельским мятежом». Рассказывалось о том, как в продолжение шестичасового боя отряд ярославской ГубЧК, возглавляемый тов. А.Ф. Френкелем, мужественно сражался с контрреволюционерами и восстановил революционный порядок.

На деле все обстояло несколько по-иному. Действительно, в Красном — несмотря на его как бы «коммунистическое» название — были чрезвычайно сильны «старорежим-

В советские годы действующей в Красном оставалась только кладбищенская Всехсвятская церковь 1895 года постройки.

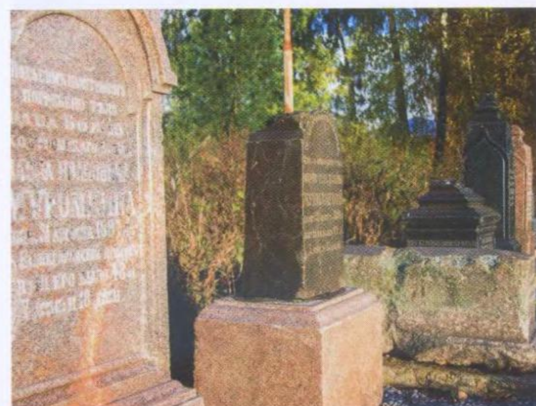
▲ *Плакат «На могиле контрреволюции» (1920) В. Н. Дени. В селе Красном в «могилу контрреволюции» легли более 400 человек.*

ные» настроения. Народ, занимаясь ювелирным ремеслом, жил богато, приходу большевиков не сочувствовал, идти служить в Красную армию не желал. И восстание действительно имело место, благо в селе и его окрестностях прятались сотни дезертиров (многие с оружием). Однако первыми жертвами карательного отряда Френкеля стали не они, а двое глухонемых, возвращавшихся из леса с ягодами. Их зарубили прямо на дороге. Следом каратели убили красноармейца, находившегося в отпуске по ранению и показавшего документ об этом. Вообще, судя по всему, они плохо понимали русскую речь. Видимо, это был один из так называемых интернациональных отрядов. Красненские старожилы, пережившие те страшные дни, называли впоследствии своих мучителей то латышами, то чехами.

События приняли еще более кровавый оборот, когда в соседней деревне Даниловское один из ее жителей убил члена отряда, сотрудника ярославской ЧК А. Щербакова. В заключении следственной комиссии ЯргубЧК последовавшая «операция» была освещена так: «Весь контрреволюционный элемент и кулачество с. Красного за убийство т. Щербакова в тот же день беспощадно расстреляно». По-человечески говоря, произошло вот что: схватили около четырехсот человек (не разбирая, конечно, на «элементы»), разбросали по подвалам лавок и, вызывая пофамильно, расстреляли на глазах всего народа. Известно при этом, что каратели заставляли принимать участие в расстреле местных коммунистов — такая вот «нечаевская» практика.

В одном из подвалов оказались второй священник Богоявленской церкви Александр Горицкий и диакон Борис Чижов. Всю ночь перед расстрелом о. Александр, по воспоминаниям выжившего заложника (будучи ранен, он выбрался ночью из-под трупов), исповедовал и напутствовал людей. Как рассказывала М. Смирнова, пришедшая к подвалу в надежде выручить своего отца (ей было тогда 17 лет), Горицкого и Чижова вызвали вместе. Стреляли в голову.

Что касается самого храма, то он оставался действующим до 1932 года. Затем в нем разместилось колхозное зернохранилище. Тогда же разрушили храм Петра и Павла и старое кладбище возле церкви. Памятник Александру II, находившийся в храмовой ограде, вероятно, был уничтожен еще раньше.

▲ *Остатки старого кладбища при Богоявленском храме.*

▼ *Богоявленский храм в 1990 году, накануне передачи епархии.*

Новые древности

Среди икон Богоявленского храма можно встретить очень характерные, представляющие немалый исторический интерес. Хотя это и не шедевры, но, принадлежа своим эпохам, они многое могут сказать об упованиях, симпатиях и художественных предпочтениях и мастеров, и заказчиков.

◄ *Икона Божией Матери «Живоносный Источник». Празднование ей совершается в пятницу Светлой седмицы.*

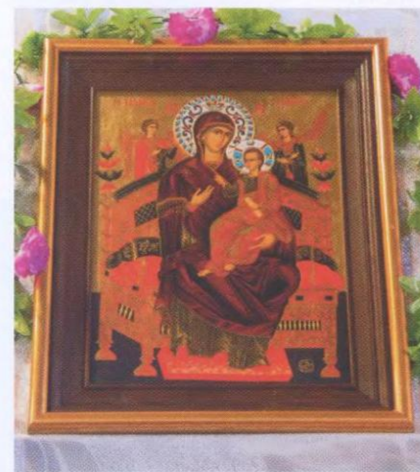
Нет никаких сомнений в том, что Богоявленский храм в Красном подвергался разорениям еще до своего закрытия (его просто не могла обойти стороной кампания по изъятию церковных ценностей; надо полагать, что ценностей в храме, прихожане которого занимались ювелирным ремеслом, было более чем достаточно). Но большинство святынь пропало из него именно после закрытия, в 1930-е годы. Возможно, какие-то иконы прихожане унесли домой, скрыв от богоборцев. Так или иначе, следы их теряются.

Сейчас все убранство храма является новосозданным. Тем не менее здесь много старых икон, принесенных людьми после открытия церкви.

Живоносный Источник

Среди старых икон внимание привлекает несколько потемневший от времени образ Божией Матери «Живоносный Источник». Его иконография связана с прославлением источника близ Константинополя, где император Лев I основал монастырь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник». На Руси, однако, образ был долго почти не известен. Только во второй половине XVII века, с включением службы иконе Божией Матери «Живоносный Источник» в состав русской Цветной Триоди, этот сюжет укоренился в русской иконописи, в особенности широко распространившись к XIX веку (так, в Саровской пустыни почитанием пользовалась икона Божией Матери «Живоносный источник», принесенная ее основателем иеросхимонахом Иеронимом; к ней направлял страждущих прп. Серафим Саровский).

Для русской иконографии характерно изображение Божией Матери восседающей в фиале в виде потира. Фиал возвышается посреди водоема, из которого люди черпают воду. По сторонам Божией Матери — два ангела. Образ из Богоявленского храма, написанный, очевидно, в XIX веке, полностью соответствует этой распространенной иконографии. Иногда, отметим, вокруг средника иконы помещались еще сюжеты из сказания о ней, составленного Никифором Каллистом († ок. 1350). Клейма сопровождались пояснительными надписями.

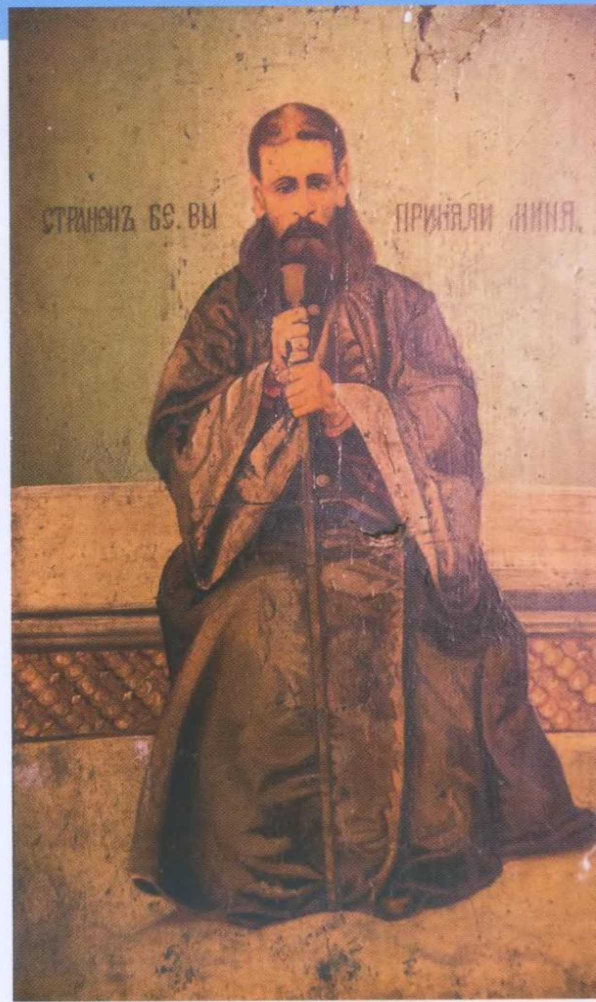
▲ *По большей части иконы в Богоявленской церкви новые. Как, например, этот список с иконы Божией Матери «Пантанасса».*

Коронование Богоматери

Большой интерес представляет икона, помещенная на южной стене главного храма, которую можно условно назвать «Праздники». Она состоит из шестнадцати клейм и средника, также разделенного на три яруса

▲ *Обратите внимание на верхний ряд средника этой иконы, где изображен крайне редкий для отечественной иконографии сюжет «Коронование Богоматери».*

▲ *Предполагаемый «портрет» о. Иоанна Кроштадтского — или просто странника.*

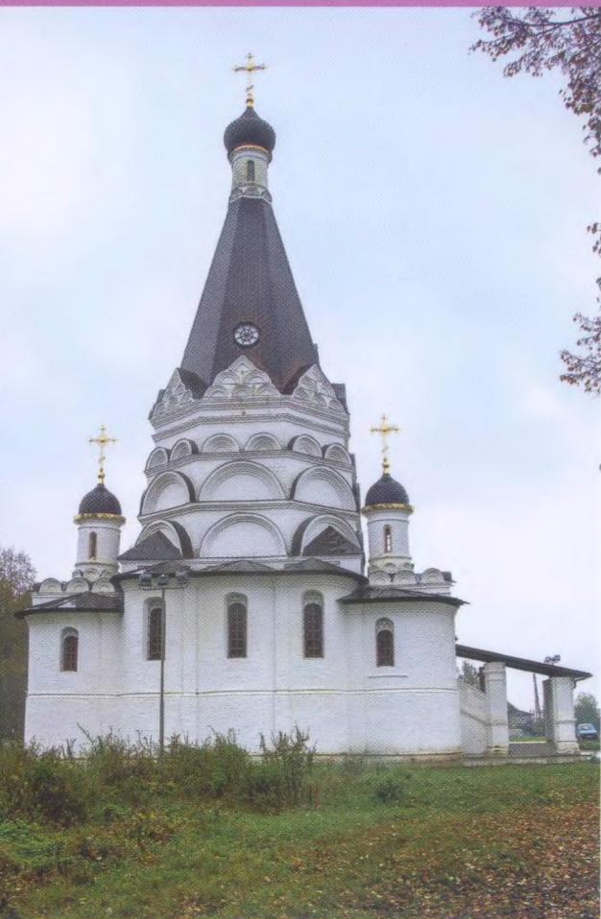
по три клейма в каждом, при этом клейма верхнего и нижнего ярусов связаны общим сюжетом.

Рассмотрим икону более внимательно. Вот клейма «рамы» (слева направо сверху вниз): «Троица Ветхозаветная», «Рождество Пресвятой Богородицы», «Введение Пресвятой Богородицы во храм», «Благовещение Пресвятой Богородицы», «Рождество Христово», «Сретение Господне», «Воскрешение Лазаря», «Вход Господень во Иерусалим», «Уверение Фомы», «Вознесение Господне», «Схождение Святого Духа на апостолов», «Преображение Господне», «Успение Пресвятой Богородицы», «Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня» и «Покров Пресвятой Богородицы».

В нижней части средника помещено «Распятие с предстоящими», в средней (слева направо): Иоанн Предтеча (иконография «Ангел пустыни»), «Воскресение Христово» и образ Божией Матери «Всех скорбящих Радость». А вот верхняя часть средника наиболее любопытна. Здесь дан сюжет «Коронование Богоматери», католический по происхождению. На Руси он появился поздно, уже в конце XVII века, — как считается, под воздействием западноевропейских гравюр, — и долгое время оставался «полумаргинальным», вызывая неудовольствие строгих блюстителей догматов. Примерно в это же время утвердился обычай помещать Богоматерь в центре композиции «Схождение Святого Духа на апостолов» (прежде изображались только апостолы), что мы и видим на нашей иконе. Все это, вкупе с довольно архаическим, а местами просто неумелым стилем письма и, однако, явной «насмотренностью» мастера в отношении западноевропейских образцов (гравированных, конечно), позволяет датировать образ первой половиной XVIII столетия и «производить» его из какой-либо провинциальной мастерской.

«Странен бе...»

Заканчивая обзор древностей Богоявленской церкви, следует остановиться даже не перед иконой, а перед картиной, на которой неумелой рукой живописца-самоучки изображен человек в «духовном» платье. Надпись на картине цитирует Евангелие: «Странен бе. Вы приняли Миня» (так в тексте. — *Прим. ред.*). Предполагается, что здесь изображен св. Иоанн Кронштадтский, пользовавшийся большим почитанием в конце XIX столетия (когда, вероятно, и появился этот своеобразный «портрет» с отсылкой к Евангелию). Впрочем, возможно, здесь дан некий собирательный образ тех, кто, будучи «странен», представляют собой как бы икону Спасителя, и в чьем лице мы, проявляя страннолюбие и гостеприимство, принимаем Самого Господа.

Московская родня

Снаружи

Как мы уже писали, Богоявленская церковь — единственный шатровый храм на территории Костромской области, хотя шатровых колоколен здесь великое множество (вспомним хотя бы знаменитую колокольню с картины А. К. Саврасова «Грачи прилетели», принадлежащую Воскресенской церкви села Молвитина — ныне Сусанина — и сохранившуюся до наших дней).

Многие элементы Богоявленского храма позволяют предположить, что над его возведением трудились приглашенные — московские — мастера. Храм выстроен, согласно московской традиции, на высоком подклете; основная часть его представляет собой восьмерик на четверике. Восьмерик разделен на три яруса, каждый из которых декорирован закомарами, уменьшающимися от нижнего яруса к верхнему. В основании шатра мы

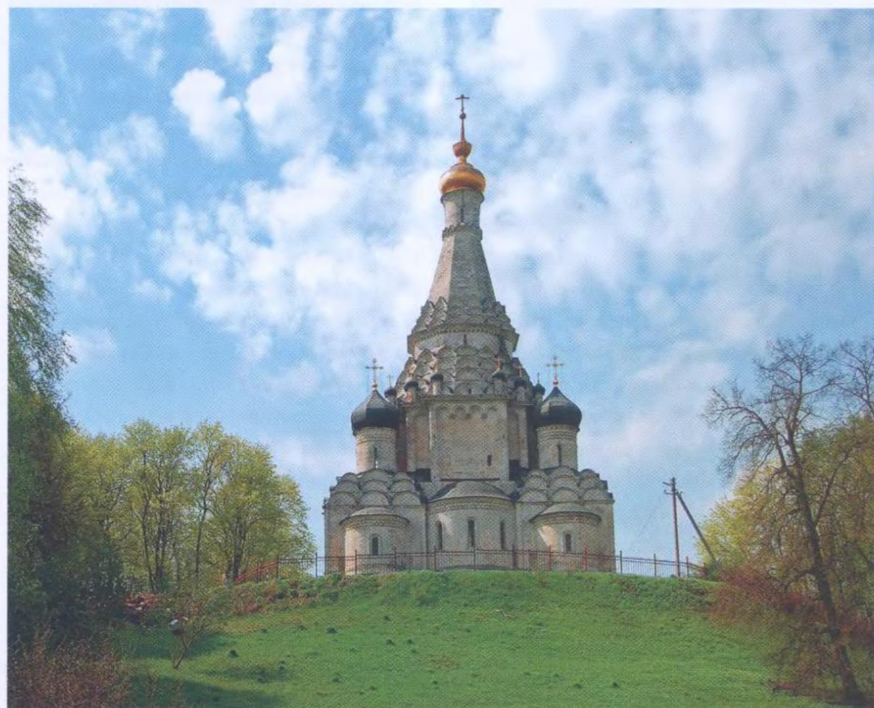
Гульбища Богоявленской церкви с обеих сторон замыкают, как видно на этой фотографии, приделы.

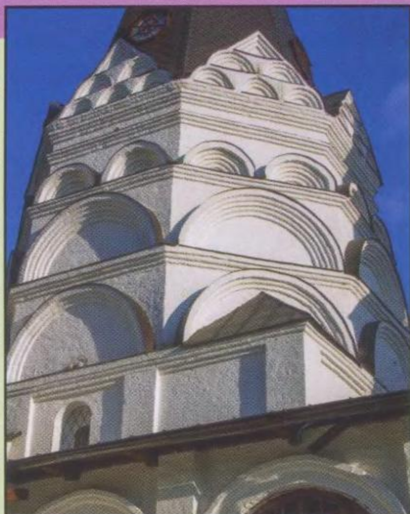
видим треугольные фронтоны с вписанными в них горками кокошников. Этот прием отсылает нас к центральному шатру московского собора Покрова на Рву. Шатер увенчан маленькой главкой на высоком барабане (при реставрации 1960-х годов И. Ш. Шевелев придал ей шлемовидную форму, предположив, что такой она была изначально; сейчас главка вновь, как на фотографиях конца XIX столетия, — луковичная). Переход от шатра к барабану решен в виде однорядного пояса кокошников.

Еще одного «родственника» красненского храма исследователи обнаруживают в подмосковном селе Остров, где при Иване Грозном была возведена изумительной красоты Преображенская церковь. Декоративный строй Преображенского храма более сложен, однако конструктивно он весьма походит на своего провинциального «брата».

До сих пор не решен вопрос, когда именно появились у Богоявленской церкви приделы, оформленные отдельными алтарными апсидами. В общеупотребительной литературе говорится, что они выстроены в первой половине XVII века. Однако галереи-гульбища, опоясывающие храм с трех сторон, современны ему, что было доказано зондажными исследованиями И. Ш. Шевелева. Относительно колокольни никаких споров нет: ее строительство относят к последней трети XVII века.

Преображенский храм в селе Остров под Москвой. Здесь также присутствуют приделы в восточных оконечностях галереи, однако в целом оформление храма более сложное.

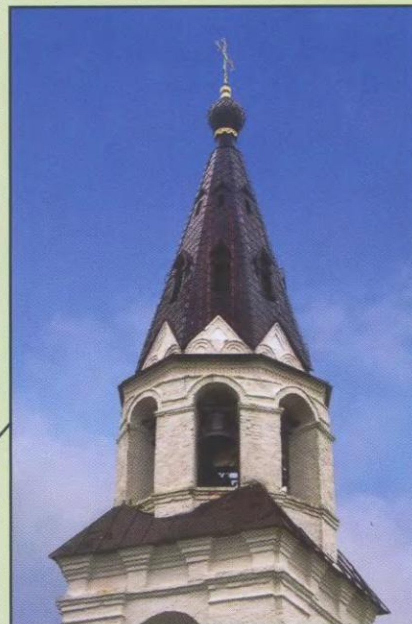

Обзорная площадка

Колокольня

В основании шатра колокольни мы видим треугольные фронтоны, как и в основании главного шатра. Но здесь они решены суше и площе, хотя, конечно, определенную перекличку задают.

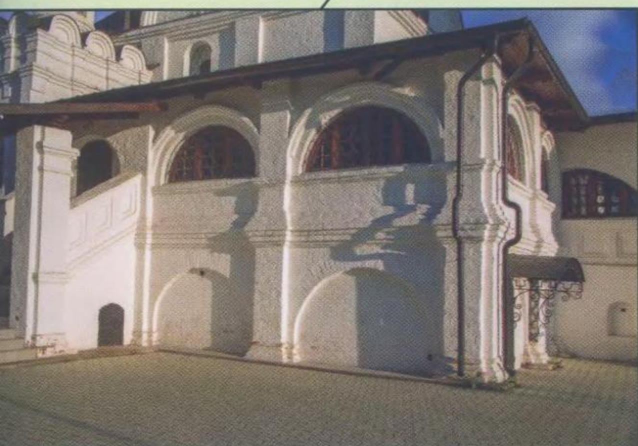

Восьмерик

Ярусы восьмерика отделены друг от друга уступчатыми карнизами, каждая грань несет на себе в нижних двух ярусах по одному кокошнику, а в верхних — по два. Переход от восьмерика к шатру оформлен горками кокошников, причем деталь, увенчивающую горку, уже кокошником в обычном смысле не назовешь: это треугольник, вписанный в завершение фронтона и как бы нацеливающий взгляд ввысь.

Гульбище

Предполагается, что верхний ярус гульбища изначально был открытым. Впоследствии его — ради тепла — застеклили, и именно таким он предстает перед современным посетителем.

Приделы

Каждый из приделов представляет собой небольшой четверик, опоясанный кокошниками и увенчанный маленькой главой на весьма скромно — одними только валиками — оформленном барабане.

Богоявленская церковь
Красное-на-Волге
(Костромская обл.)

Внутри

▲ *Современный иконостас Богоявленского храма.*

▶ *Западный входной портал.*

НЫНЕШНЕЕ УБРАНСТВО Богоявленской церкви мало чем интересно для любителя церковной старины. Иконостас и росписи здесь — современные, выполненные в ходе ремонта 1990—2000-х годов. То и другое — в характерном для современности «древнерусском» стиле, причем даже минимально соблюсти прежнюю стилистику убранства не представилось возможности, поскольку не сохранилось никаких дореволюционных изображений интерьеров Богоявленского храма.

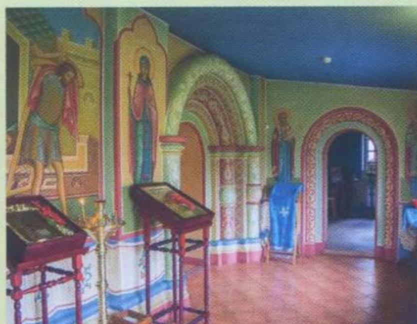
Интереснее поэтому исследовать внутренние конструктивные элементы, не претерпевшие изменений с момента постройки церкви. Ко входу в храм ведет крутая лестница, прежде, очевидно, бывшая просто кирпичной, а теперь выложенная половой плиткой. Войдя в дверь, мы оказываемся в крытой галерее, опоясывающей храм с севера, запада и юга. Приделы, которыми завершаются восточные оконечности галереи, пока не освящены и используются как подсобные помещения.

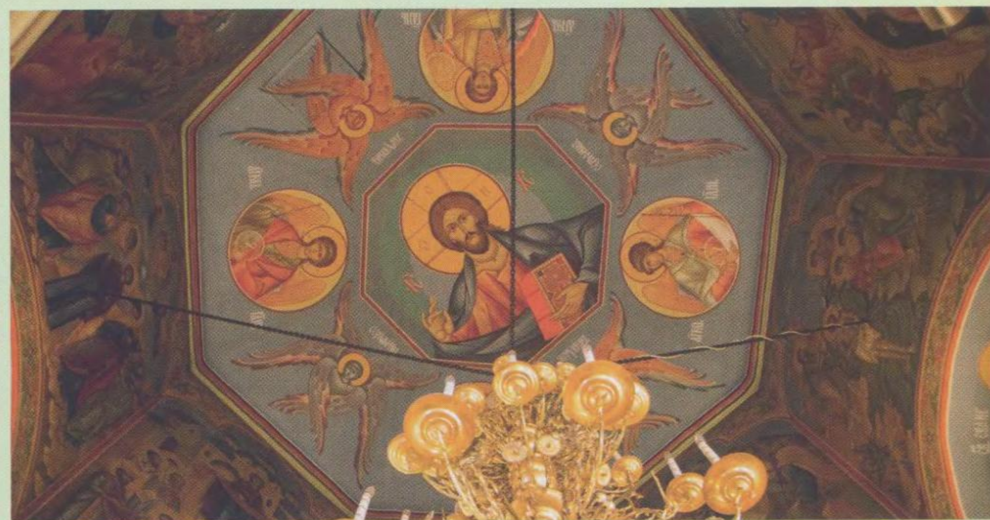
В центральный храм можно попасть через три входа — западный (главный), северный и южный. Все они оформлены порталами, несколько упрощенными по сравнению с более древними памятниками. Так, мы не видим здесь ни килевидного завершения, ни классических дынек. Утолщения с перехватами есть, но, в отличие от традиционных дынек, они не разделены на «дольки».

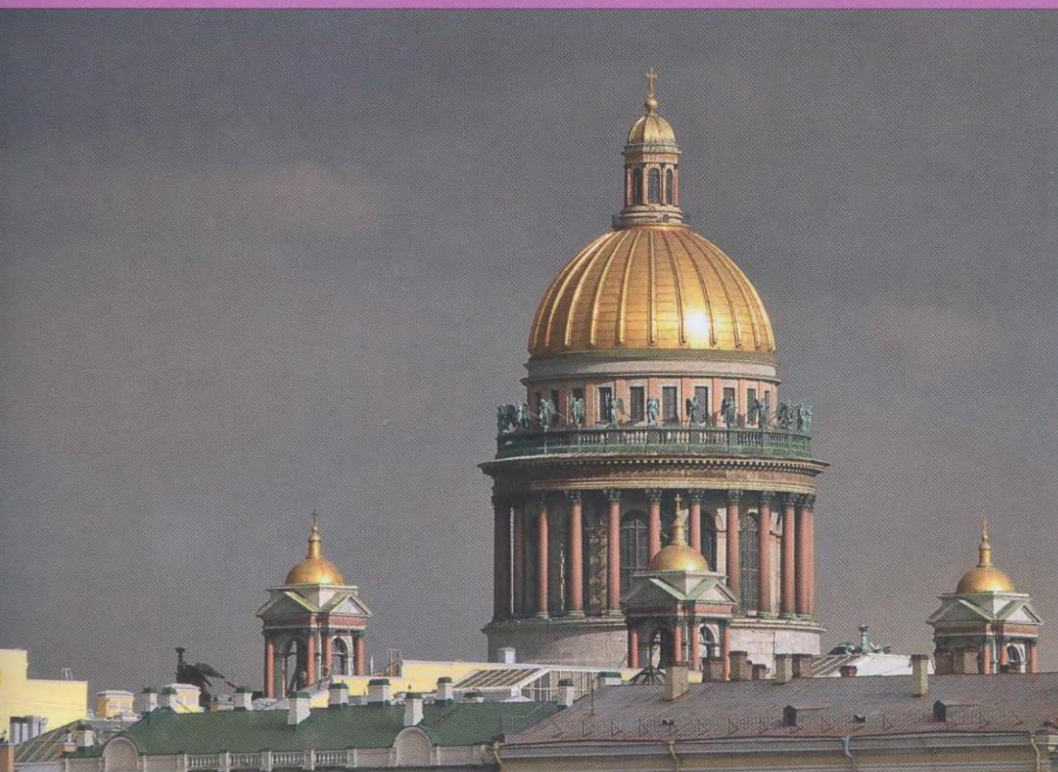
Внутри храм довольно темен, в противоположность гульбищам с широкими полукруглыми окнами (они были восстановлены в ходе реставрации 1960-х годов; если мы посмотрим на фотографии конца XIX столетия, то увидим, что паперть прорезана обычными прямоугольными окошками). Света, поступающего через небольшие окна, явно не хватает для того, чтобы осветить скромное по своим размерам, но «глубокое» благодаря шатровой конструкции помещение. Высокий иконостас полностью закрывает восточную стену четверика.

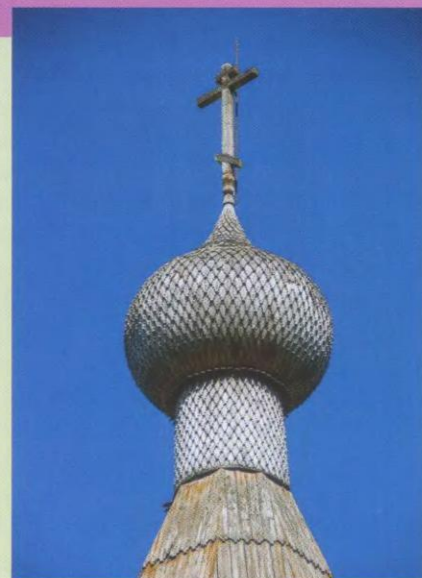
▶ *В шатре, внутренность которого понижена потолком, изображен Господь Вседержитель.*

▼ *Южная галерея.*

▲ *Крытая лемехом главка Иоанно-Богословской церкви в Ошевенске.*

◀ *Купол Исаакиевского собора.*

Пространство православного храма

КУПОЛ (ит. cupola, от лат. cupula, уменьшительное от cupa — бочка) — архитектурная форма, образованная вращением арки вокруг вертикальной оси. Купольная форма известна с глубокой древности, однако вплоть до начала широкого применения бетона в Римской империи купола были ложными, то есть образовывались нависающими друг над другом рядами кладки. Именно римляне начали возводить большие купола правильной сводчатой конструкции при сооружении значимых культовых и общественных зданий. Самым древним из доныне сохранившихся считается кессонированный купол римского Пантеона (128 г. до Р. Х.). От римлян купольную конструкцию заимствовали зодчие Византийской империи и усовершенствовали ее, разработав способ помещения купола не только над круглой в плане, но и над квадратной, а также многоугольной конструкцией. Ярким памятником этого периода является купол Святой Софии в Константинополе. От Византии купола переняла Русь, где впоследствии сложился и получил наиболее широкое применение купол-луковица. Купола в «древнеримском» понимании вернулись в русскую храмовую архитектуру с приходом классицизма.

ЛАМПАДА — в православном богослужении большой подсвечник, выносимый во время великого и малого входов на литургии. В более широком смысле — род масляной лампы, зажигаемой перед иконами, возле рак с мощами. Лампады использовались христианами с глубокой древности, причем сначала их применение было чисто практическим: они освещали темные катакомбы, где приходилось скрываться последователям Христа в эпоху гонений. Затем возжигание лампад получило символический смысл, изображая собой свет веры и любовь к Богу.

▶ *Старинная лампада с фигурками ангелов в Успенском соборе Псково-Печерского монастыря.*

ЛЕМЕХ — деревянные пластинки, которыми покрывают главы церквей (и иные элементы кровли, такие, например, как «бочки» над алтарными прирубами деревянных храмов). Лемех изготавливается из осиновых досок, имеет, как правило, городчатое (зубчатое) завершение. Упрощенной формой лемеха является гонт (дранка).

Город купцов

Поселок Красное-на-Волге — да простят нас его жители — ничем особенным, кроме Богоявленской церкви и большого числа ювелирных лавочек, лавок и магазинов, не примечателен. Но зато на незначительном (в особенности для автомобилиста) удалении от него находится Плес, давно ставший своего рода визитной карточкой русской «прекрасной провинции». Если вы хотите увидеть прекрасную провинцию — вам сюда.

Первое летописное упоминание о Плесе относится к 1141 году. Точная дата его основания неизвестна, однако археологические изыскания показали, что город имел все признаки крупного торгово-ремесленного центра. Его посад тянулся вдоль берега Волги на два километра, а на горе находился деревянный кремль. В 1238 году укрепленное поселение было разрушено татарами, о чем говорится в «Повести о разорении Рязани Батыем», и вплоть до начала XV века Плес не играл никакой существенной роли в жизни Руси. Однако в 1410 году по указанию московского князя Василия Дмитриевича здесь, на высоком берегу Волги, построили новую деревянную крепость. Именно эта дата долгое время считалась годом основания Плеса.

Крепость имела для Москвы важное оборонительное и экономическое значение, позволяя контролировать Волжский путь. Отныне никто не мог пройти мимо «неучтенным». В это время Плес появляется на картах наряду с такими крупными городами Верхней Волги, как Ярославль и Кострома. Любопытно, что упоминает его и Афанасий Никитин в своем «Хождении за три моря».

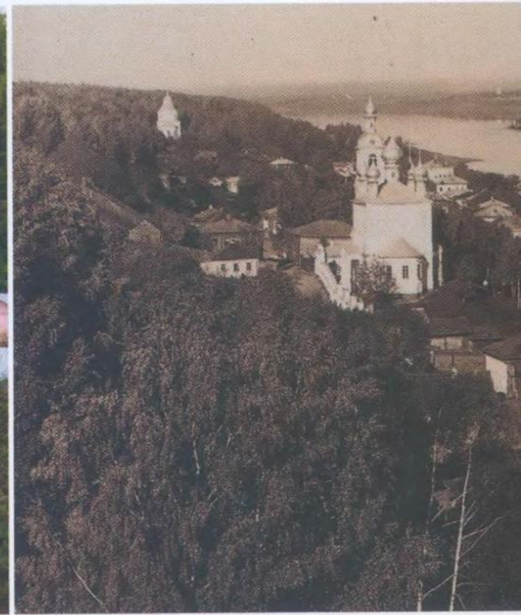
В 1609 году Плес захватили отряды пана Лисовского, но, вероятно, крепости в тот момент уже не существовало: во всяком случае, следов пожарища на ее предполагаемом месте обнаружить не удалось.

С начала XVII века крепость уже не восстанавливалась. Застава в этих краях теперь никому не надобилась. В это время Плес динамично развивался как торговый город. С низовьев Волги сюда везли зерно, здесь мололи, а затем в виде муки переправляли в Шую и другие города. Здесь же аккумулировались и домотканые полотна, расходившиеся потом по верхневолжским городам. В 1778 году Плес получил герб и статус уездного города.

С постройкой в 1871 году железнодорожной ветки Иваново-Возне-

Вид на Плес с Соборной горы.

С конца XIX века город мало изменился. Даже русло Волги, несмотря на сооружение Горьковского водохранилища, осталось прежним. И это хорошо.

и художников

▲ *Валы, опоясывающие Соборную гору.*

► *Успенский собор — первый каменный храм Плеса.*

сенск — Кинешма, обошедшей Плес стороной, его торговое значение упало. Многие купцы перебрались в Кинешму, городок вполовину опустел (до двух с небольшим тысяч жителей) и постепенно стал любимым пристанищем дачников — в особенности тех, кто был не чужд художественных склонностей.

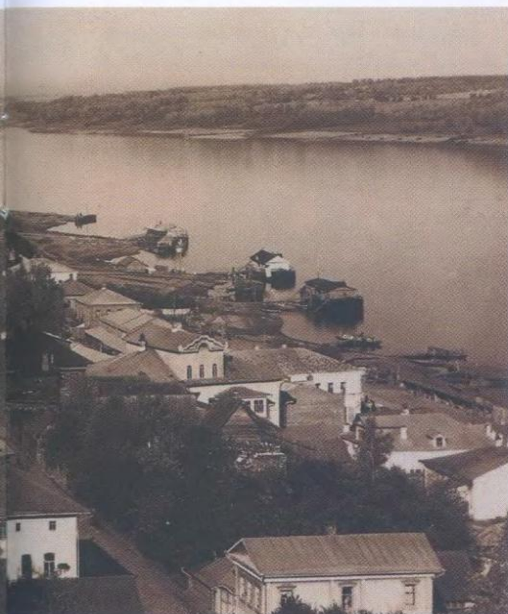
Соборная гора

Сердце Плеса, его исторический центр — Соборная гора. Она представляет собой холм высотой около 55 метров, верхняя площадка которого окружена земляными валами, сохранившимися со времен второй плесской крепости. В XIX веке здесь находилось излюбленное место прогулок горожан и дачников. Функцию променада гора с успехом исполняет и по сей день — с нее в любую погоду открываются захватывающие виды.

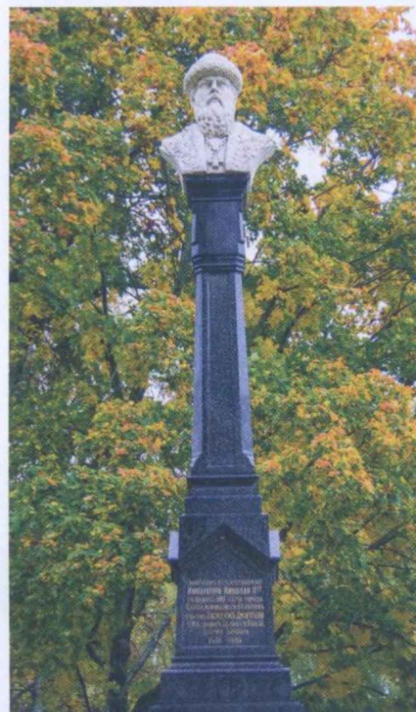
Доминанта ансамбля Соборной горы — изящный Успенский собор, выстроенный в 1699 году на месте сгоревшего деревянного храма. Его архитектура проста (восьмерик на четверике), но весьма выразительна. Шатровая колокольня при соборе была построена довольно поздно, на рубеже XVIII—XIX веков, а еще три десятилетия спустя, в эпоху наивысшего процветания Плеса, рядом возвели просторный Казанский собор, ставший летним. Успенский, более скромный, отныне служил жителям города зимним храмом.

Во второй половине XIX века храмовый комплекс обнесли кирпичной оградой. Именно в таком виде он предстал перед И.И. Левитаном в 1888 году. В XX веке Казанский собор и ограду сломали (от последней оставили — зачем-то — ворота).

Неподалеку от Успенского собора находится небольшой памятник, выполненный в характерной стилистике конца XIX — начала XX веков. Надпись на нем гласит: «Сооружен в царствование Императора Николая II в память 500-летия города Плесса, основанного Великим Князем Василием Дмитриевичем, сыном Великого Князя Дмитрия Донского. 1410—1910». Как видим, это памятник строителю второй плесской крепости и, как считалось в начале XX столетия, основателю города. Рядом с ним — внушительное здание присутственных мест, где сейчас располагается музейная экспозиция, посвященная истории Плеса.

▼ *Памятник великому князю Василию Дмитриевичу.*

▲ *Деревянная Воскресенская церковь — напоминание об утраченной Петропавловской, запечатленной Левитаном.*

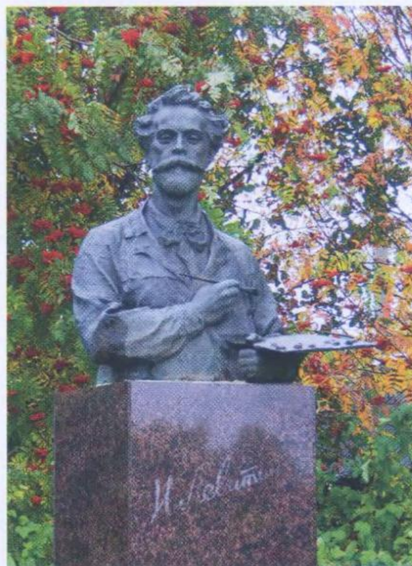
Гора Левитана

Теперь, спустившись с Соборной горы (которую в советскую эпоху выспренне поименовали Горой Свободы), перейдя реку Шохонку, впадающую в Волгу, и вновь поднявшись по Вичугскому проезду, мы попадаем на Гору Левитана, раньше называвшуюся, понятное дело, вовсе не так, а совсем даже Петропавловской. Потому что именно здесь, на этой горе, стояла деревянная церковь во имя Петра и Павла, обретшая бессмертие благодаря картине Левитана «Над вечным покоем».

Увы, Петропавловский храм, построенный в XVI веке, в 1903 году сгорел. И долго оставалась гора без «навершия». Только в 1982 году решено было возвратить ей «левитановский» вид, ради чего из села Билюкова Ильинского района Ивановской области привезли сходную с утраченной Воскресенскую церковь (она, правда, моложе Петропавловской на полтора века). Теперь перед нами — «тот самый» пейзаж, а рядом с храмом можно увидеть не только восстановленные кресты старинного погоста, но и бронзового Исаака Ильича с этюдником. И, конечно, живых пейзажистов — множество.

Под горой, на Варваринской улице, замечательно виден храм великомученицы Варвары, построенный, как предполагают, в самом начале XVIII века на месте ранее существовавшей одноименной деревянной церкви. В 1821 году храм приобрел колокольню в классическом духе, завершившую его облик.

Варваринский храм также запечатлен Левитаном. Художник изобразил его на картине «Вечер. Золотой Плес» (1889).

▲ *Один из плесских памятников Левитану — напротив его музея.*

▲ *Дом-музей И. И. Левитана.*

▲ *Погост над Волгой.*

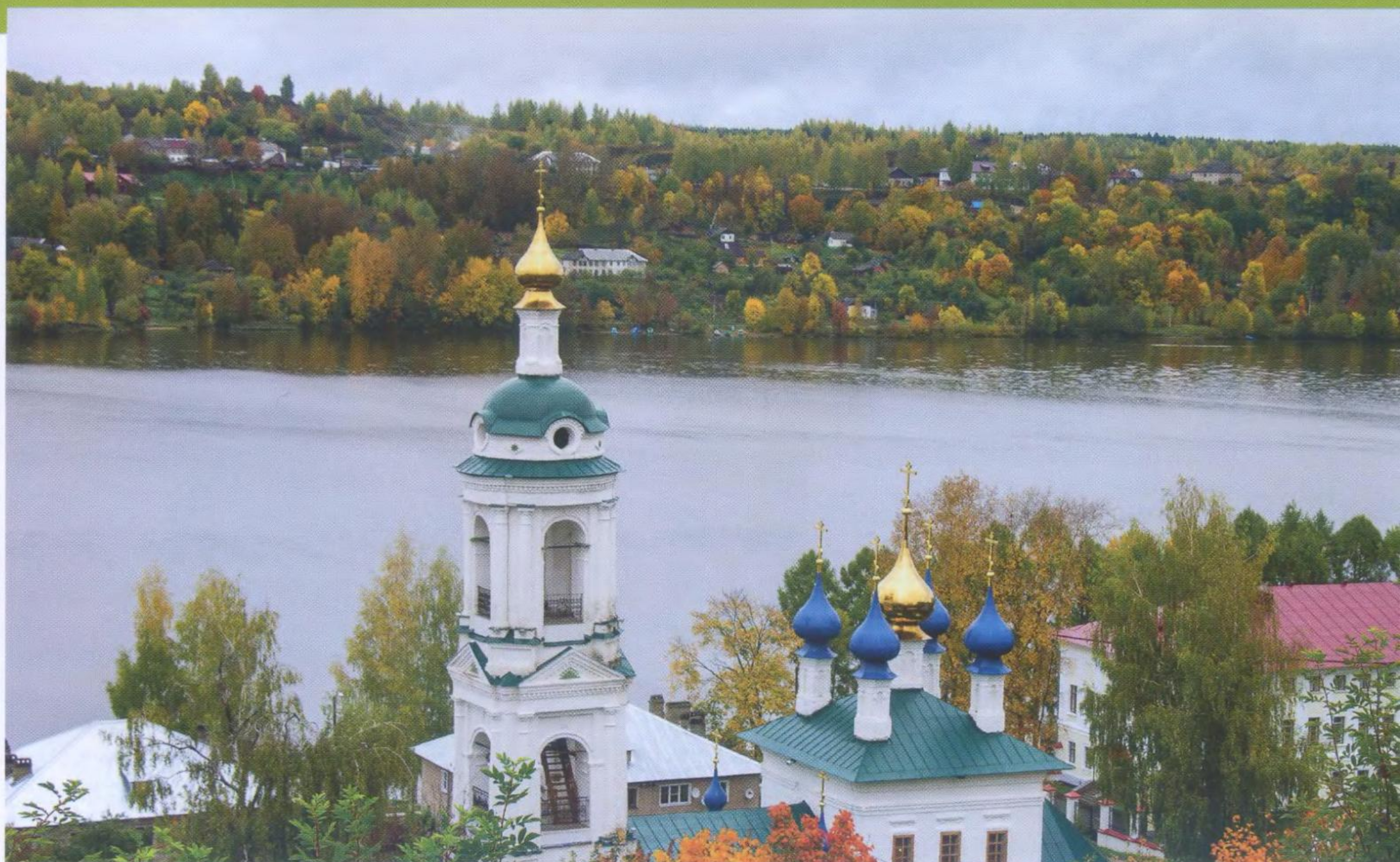
▶ *Церковь Варвары Великомученицы, знакомая всем по картине Левитана «Вечер. Золотой Плес».*

Вдоль Волги

Насладившись живописными видами Волги, открывающимися с Горы Левитана, спустимся вниз, по тропе, которая тоже носит имя Левитана, и по Никольской улице, минуя Никольскую часовню 1892 года постройки, выйдем на набережную. Здесь нас вновь встречает — кто бы вы думали — Левитан. Вернее, памятник ему и его дом-музей, расположенный в уютном особняке первой половины XIX века. В этом доме Левитан в свой первый приезд в Плес снимал вместе с С. П. Кувшинниковой и А. С. Степановым две комнаты.

Вообще, старых купеческих особняков на набережной более чем достаточно. И есть, где выпить кофе с видом на медленную Волгу. Прекрасная, одним словом, может получиться прогулка. Почти как в Одессе, где, по утверждению Чехова, считалось, что «самое поэтическое место в мире — Николаевский бульвар: и море, и кафе, и музыка, и все удобства, — каждую минуту сапоги можно почистить». Постараемся не замечать иронии: в самом деле, как же без кафе и прочих небольших радостей жизни?

Доходим, не торопясь, до торговых рядов. Рядом, на возвышении, видим нарядный храм, посвященный

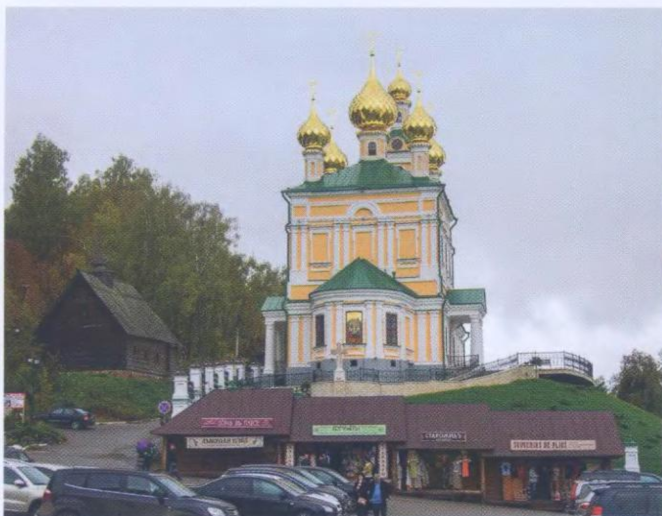

Воскресению Господа и Спаса нашего Иисуса Христа (1817). Это стройный четверик, увенчанный пятиглавием. С трехъярусной колокольней четверик соединен посредством низкой трапезной. Самое любопытное в этом храме то, что в нем сочетаются пространственные решения, характерные для зодчества XVII века, с вполне классицистским декором.

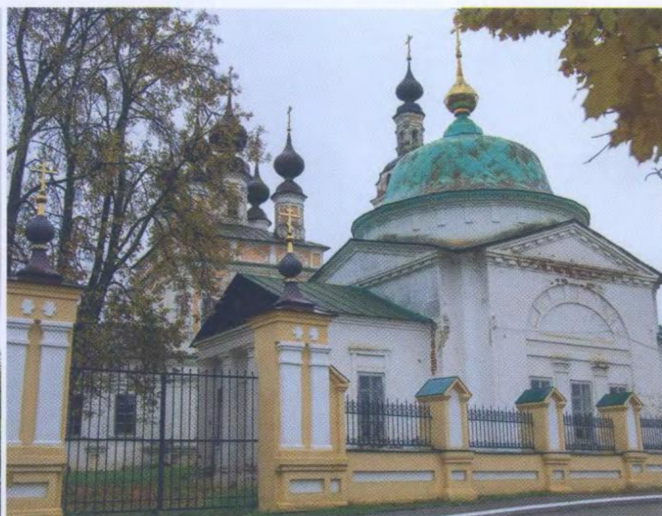
Бок о бок с Воскресенским храмом стоит одноименная деревянная часовня, выстроенная в 1825 году. Часовня принадлежит к клетскому типу. Так строили и в XVI, и в XVII веках — и в этом заключается ценность памятника.

Теперь вновь пришла пора подниматься. Соборная гора останется по левую руку, а впереди нас ждет еще одно знакомство — с ансамблем Троицкой и Введенской церквей в бывшей Троицкой слободе. Деревянная Троицкая церковь существовала на этом месте по крайней мере с 1628 года, а в каменном исполнении — с 1808 года. Ее построили на средства прихожан в стиле позднего барокко, ориентируясь, видимо на Никольскую церковь в Приволжске (1779). Теплый Введенский храм появился несколько позднее, в 1828 году.

Тут мы прощаемся с Плесом.

▼ *Церковь Воскресения Господня близ торговых рядов. Слева от нее можно разглядеть деревянную Воскресенскую часовню.*

▼ *Ансамбль Троицкой (на заднем плане) и Введенской церквей в бывшей Троицкой слободе.*

Добрый барин

В первой половине XIX столетия владельцем села Красного был П. А. Вяземский, одни из наиболее заметных участников отечественного литературного процесса пушкинской поры. Рекомендуя барина красносельским крестьянам, священник Богоявленского храма в порыве гомилетического вдохновения назвал его «русским Катуллом». Поселяне, конечно, не поняли батюшку. Они ценили Вяземского не за это.

▲ П. А. Вяземский (1792—1878) на рисунке Ореста Кипренского.

Кажется, судьба ничем не поскупилась, одаривая Петра Андреевича Вяземского. «Щастливым Вяземским» называл его Пушкин и писал:

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род —
с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

Пушкину вторил В. Ф. Ходасевич, у которого в данном случае есть одно, но неоспоримое преимущество перед Пушкиным: он знал судьбу Вяземского «до конца», тогда как Александр Сергеевич ушел в мир иной, едва только его товарищ успел «земную жизнь пройти до половины». Так вот, Ходасевич замечал, что «биография Вяземского — одна из немногих, слишком немногих, счастливых биографий в русской литературе». Попробуем же разглядеть эту биографию поближе и понять, действительно ли она была столь уж счастливой.

Душа «Арзамаса»

Единственный наследник князя Андрея Ивановича Вяземского, сын его от брака с англичанкой Дженни О'Рейли, Петр Андреевич провел детские и юношеские годы частью в Москве, частью в подмосковном имении Остафьеве, купленном его отцом спустя несколько дней после рождения сына. Осиротел он рано, десяти лет лишившись матери, пятнадцати — отца. Однако без добротного руководства старших не остался: его опекуном был Н. М. Карамзин, женатый на Екатерине Ивановне Ко-

► Усадьба Остафьево под Москвой, купленная Андреем Ивановичем Вяземским в честь рождения сына.

Из записных книжек П. А. Вяземского

О, Небо! Небо! Зачем при склонностях мирных дало ты мне порывы мятежные? Зачем не могу вкусов своих согласовать с страстями своими? Тихое забвение, убежище одинокое, тень двух-трех дерев, светлый бег ручья! при вас мысль моя отдыхает, вами ограничилось бы честолюбие моих желаний, но страсти, пагубные страсти на крыльях бури уносят меня далеко от вас! В волнении тоски беспредельной я вздыхаю по вас: на вашем безмятежном лоне порываюсь на движение новое, и в всегдашней борьбе с самим собою я почерпаю жизнь в потрясении и стыке наклонностей друг другу противных. Но мне ли пенять за то? Не из сего ли тайного и глухого волнения родится вечно биющий источник поэзии, который один утолить может жажду души, чуждой земным благам, — души, иссохнувшей бы на почве, где, по преданиям толпы, растет человеческое счастие и расцветают житейские выгоды.

1819

лывановой, побочной дочери князя Андрея Ивановича. Карамзина Петр Андреевич впоследствии называл в стихах «наставником и хранителем» своей «младости».

На литературное поприще П. А. Вяземский вступил рано. Впоследствии Ходасевич скажет о той эпохе, когда Вяземскому суждено было «выйти в свет»: «Русский лжеклассицизм кончался. Уже Державин давно перерос его тесные границы. Уже взорвалась первая мина, подложенная под классицизм сентиментализмом Карамзина. Впрочем, сам Карамзин... уже покидал поэтическое поприще: он трудился над „Историей Государства Российского“. Словом, перед новыми силами открывалось обширное поле. Жуковский и Батюшков пытались „обрести новые звуки“. В неясной дали намечались смутные очертания грядущего романтизма. Уже в противовес чопорной державинско-шишковской „Беседе“ возникала задорная революционная кучка арзамасцев. Вяземский тотчас стал

▲ *Портрет Н. М. Карамзина (1805) кисти Д. Ортолани.*

ее „душой“. Жуковский и Батюшков к ней примкнули. Вступил даже милый и бесталанный Василий Львович Пушкин, хотя не очень годился — ни возрастом, ни писаниями: это был „сочувствующий“. Гораздо более подходил к „Арзамасу“ юный племянник Василия Львовича. Но тот учился в Царскосельском лицее и не мог посещать собраний: под именем „Сверчка“ он „из лицейского заточения подавал голос, как из-за печки“».

Познакомились въяве Пушкин и Вяземский приблизительно в 1816 году, когда первый был «молодым повесой», а Вяземский, старший его на семь лет, — уже отцом семейства. Разница в возрасте и статусе определенным образом повлияла на их взаимоотношения, в которых Петр Андреевич, хотя и поддавшийся обаянию пушкинской музы, играл все же роль «старшего», по временам бранил своего товарища, стремился «вернуть его в берега», отрезвить. В 1825 году, в эпоху пушкинской ссылки, он писал ему: «Оппозиция — у нас бесплодное и пустое ремесло во всех отношениях: она может быть домашним рукоделием про себя и в честь своих пенатов... но промыслом ей быть нельзя. Она не в цене у народа. Поверь, что о тебе помнят

▼ *Усадьба Вяземских в Москве на Волхонке, проданная Петром Андреевичем в 1812 году.*

по твоим поэмам, но об опале твоей в год и двух раз не поговорят... Ты служишь чему-то, чего у нас нет...»

В семье Вяземских Пушкин находил так нужную ему временами поддержку, увещание, скрашенное дружеской шуткой. Не меньше самого Петра Андреевича он любил его жену Веру Федоровну, урожденную Гагарину, — и ряд исследователей приписывает ему краткое романтическое увлечение ею. Впрочем, нет сомнений, что даже для «гуляки вечно праздного», как аттестовал себя сам поэт, узы дружбы были святы. Накануне собственной свадьбы Пушкин просил Веру Федоровну быть его посаженной матерью. А сама княгиня Вера называла его полушутя «приемным сыном».

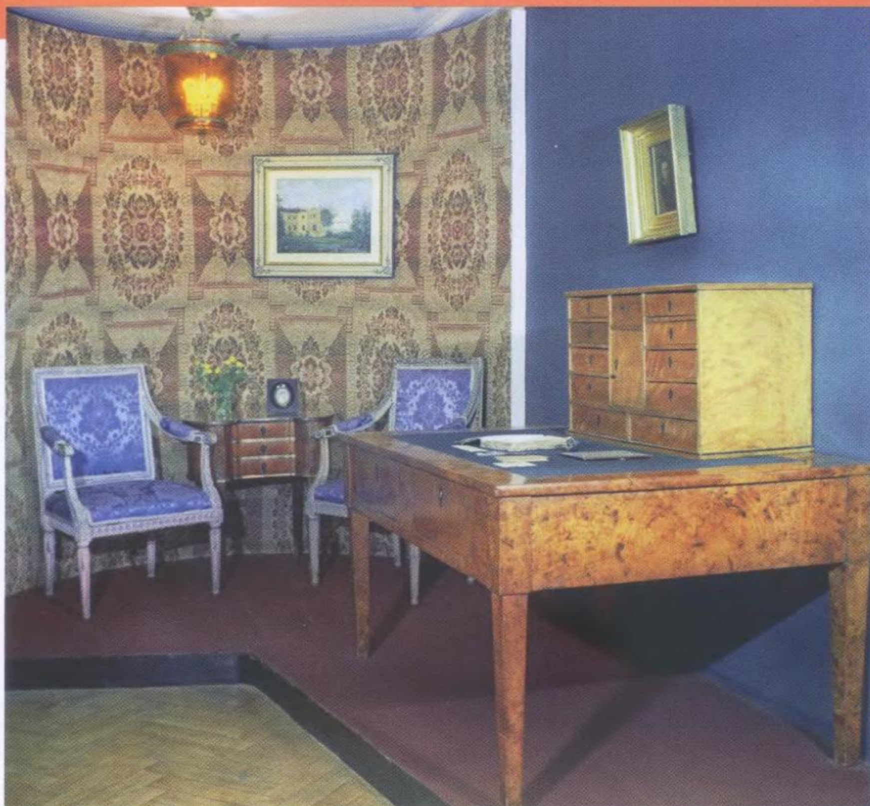
▲ *Вера Федоровна Вяземская (1790—1886), жена поэта. Рисунок В. Ф. Бинемана.*

Полвека вместе

Вера Федоровна и Петр Андреевич. Это был, должно быть, счастливый брак. Они венчались двадцатилетними. Накануне Бородинского сражения родился их первенец Андрей, который тут же мог бы осиротеть, потому что его молодой отец вступил в ополчение, и во время боя под ним убило две лошади. Но нет: Петру Андреевичу самому пришлось пережить сына, да и большинство своих детей, умиравших в младенческом или юном возрасте. Семью преследовала чахотка. До преклонных лет из восьмерых дожил лишь Павел Петрович Вяземский — тот самый «душа моя Павел» из пушкинского альбомного стихотворения.

Вера Федоровна, как свидетельствуют современники, была на равной ноге со всеми в кругу своего мужа, а круг этот был довольно широк, хотя и состоял из «избранных». «Быть может, к нам в обитель заманим мы друзей», — обращался к жене молодой поэт («К подруге» (1812)). И — заманивали. В подмосковном Остафьеве у Вяземских гащивали Карамзин, Жуковский, Батюшков, Грибоедов, Пушкин и многие другие. Все отдавали должное радушию хозяев. Нигде не бывало таких оживленных бесед, такой непринужденной дружественности в обстановке, как у Вяземских. И Вера Федоровна осталась верна этому стилю до конца своих дней. Муж ее внучки граф С. Д. Шереметев вспоминал: «Полная юношеского пыла, неподдельной веселости и остроумия, с своею чистою, старомосковскою русскою речью,

▲ *Обстановка из Остафьева в Государственном музее А. С. Пушкина на Пречистенке.*

◥ *«Пушкин и муза» (1830), картина-фантазия К. А. Коровина.*

с выходками и вспышками резвого и нестареющего ума, — княгиня Вера Федоровна была цельным типом старого московского допожарного общества. Она кипятилась и негодовала, в то же время заливалась своим заразительным хохотом, следя за всем и живя в постоянном и разнообразном общении со множеством лиц».

«Русский Катулл, русский Марциал...»

«Все это хорошо, — может сказать читатель, — но при чем тут Красное-на-Волге и Богоявленская церковь?» Читатель прав. Пора ближе к делу.

Красное Петр Андреевич унаследовал от отца, которому оно было пожаловано императором. Хотя он никогда здесь не жил, предпочитая Москву, подмосковное Остафьево, а во второй половине жизни — курортные города Европы, однако бывал здесь не раз начиная с 1815 года, в связи с чем рассказывал в «Автобиографическом введении» (1878) следующий анекдот (вероятно, происходящее в нем относится к 1820-м годам): «Однажды приехал я в свою костромскую вотчину, в известное в краю торговое и промышленное село Красное. В воскресенье, по совершении обедни, священник сказал мне и церкви приветственную речь. Говорил он с жаром, народ слушал с благоговением. Выхваляя мои гражданские и помещичьи доблести, продолжал он, указывая на меня: „Вы не знаете еще, какого барина Бог вам дал; так знайте же, православные братья! он русский Гораций, русский Катулл, русский Марциал!“ При каждом из этих имен народ отвешивал мне низкие поклоны и чуть не совершал знамения креста. Можно себе представить, каково было слушать мне и какую рожу делал я при этой выставке и классической пытке».

Так что и такие курьезы помнит старинный Богоявленский храм!

В особенности долго был памятен красноселам приезд Вяземского

◀ *Сражение при Бородине на картине Франца Рубо (1910). В этой битве принимал участие — в чине поручика — и П. А. Вяземский. На поле боя он спас раненого генерала А. Н. Бахметева, за что был представлен к ордену Святого Владимира 4-й степени с бантом.*

Вечер на Волге

Дыханье вечера долину освежило,
Благоухает древ трепещущая сень,
И яркое светило,
Спустившись в недра вод, уже переступило
Пылающих небес последнюю ступень.
Повсюду разлилось священное молчанье;
Почило на волнах
Игривых ветров трепетанье,
И скатерть синих вод сравнялась в берегах.
Чья кисть, соперница природы,
О Волга, рек краса, тебя изобразит?
Кто в облачной дали конец тебе прозрит?
С лазурной высотой твои сравнялись воды,
И пораженный взор, оцепенев, стоит
Над влажною равниной;
Иль, увлекаемый окрестною картиной,
Он бродит по твоим красивым берегам:
Здесь темный ряд лесов под ризою туманов,
Гряда воздушная синеющих курганов,
Вдали громада сел, лежащих по горам,
Луга, платящие дань злачную стадам,
Поля, одетые волнующимся златом, —
И взор теряется с прибережных вершин
В разнообразии богатом
Очаровательных картин...

П. А. Вяземский
1815 или 1816

▲ *«Пожар в деревне» — одна из картин Л. И. Соломаткина (1837—1883), входящих в его своеобразный цикл «деревенских пожаров».*

▲ *Летом 2008 года в Красном-на-Волге открылся сквер П. А. Вяземского, о чем свидетельствует эта мемориальная доска.*

в 1827 году, после большого пожара, истребившего значительную часть села. Тогда Петр Андреевич оказал погорельцам значительную материальную помощь, без которой Красное могло бы и не возродиться, и заслужил благодарную память о себе как о «добром барине». А для самого Вяземского Красное стало источником вдохновения — здесь или по здешним мотивам он создал многие стихи, в том числе известный «Вечер на Волге».

УБЕЖДЕНИЯ И СЛУЖБА

Нужно отметить, что Вяземский, как и многие образованные «душевладельцы» своего времени, к крепостному праву относился противоречиво. Как человек соответствующих убеждений (одно время он был близок к декабристам) он не мог сочувствовать этой форме рабства, бытовавшей на Руси. В 1820 году он вступил в Общество добрых помещиков и подписал поданную императору М. С. Воронцовым записку об освобождении крестьян. Но, будучи поэтом, Вяземский усматривал в «старых порядках» и нечто идиллическое (впрочем, это уж в поздние годы, при помощи столь несовершенного оптического прибора, как ностальгия). В мемуарном очерке «Московское семейство старого быта» (1877) он писал: «В старых домах наших многочисленность прислуги и дворовых людей была не одним последствием тщеславного барства: тут было также и семейное начало. Наши отцы держали в доме своем, кормили и одевали старых слуг, которые служили отцам их, и вместе с тем призревали и воспитывали детей этой прислуги. Вот корень и начало этой толпы более домочадцев, чем челядинцев. Тут худого ничего не было; а при старых порядках было много и хорошего, и человеколюбивого».

Как бы ни было, Петр Андреевич с большим энтузиазмом встретил реформы Александра II и даже принимал в них участие как товарищ министра народного просвещения и руководитель подготовки цензурной реформы. Вяземский и раньше не чурался государственной службы (разве только в 1820-е годы, когда жил в Москве под тайным надзором полиции). В 1830—1840-е годы он служил в Министерстве финансов и, относясь к своим служебным обязанностям не без иронии, успел сделать немало полезного. Но участия в придворных церемониях поэт, имея чин камергера, демонстративно избегал. Столь «вольное» поведение Вязем-

▼ *Александр II объявляет московским дворянам о необходимости отменить крепостное право. Лучшие дворяне осознали эту необходимость еще за несколько десятилетий до александровских реформ.*

ского обусловливалось надежным имущественным «тылом». Драма Пушкина — служить или остаться без средств к существованию — была ему чужда.

«Вы мыслить и писать затеяли впервые...»

Последние годы жизни поэта были омрачены душевным недугом. Первые признаки его явились еще в конце 1810-х годов, дальнейшее течение жизни с опалой, смертями детей лишь усугубило болезнь, выражавшуюся в приступах мучительной депрессии и бессоннице. Начиная с 1850-х годов Вяземский подолгу жил за границей, лечился на водах, но сколько-нибудь значительного эффекта оздоровительные меры не приносили.

Творчество Вяземского рассматривалось современниками в этот период как «устаревшее», сам он, конечно, не мог принять ни «натуральной школы», ни разночинной литературы вообще. Среди действующих литераторов поэт выделял, по существу, одного лишь Ф. И. Тютчева, творчество же других «столпов», включая И. С. Тургенева и И. А. Гончарова, рассматривал достаточно критически. Л. Н. Толстого Вяземский бранил за искажения в описании войны 1812 года в «Войне и мире», стихами Н. А. Некрасова возмущался. Одним словом, неприязнь была взаимной, но Петр Андреевич хотя бы — чего не скажешь о его оппонентах — выражал ее с великолепным аристократизмом, презирая не столько новое в литературе, сколько диктатуру этого нового:

Вы мыслить и писать затеяли впервые
С Белинским: до него был вам
дремучий мрак.
Прекрасно! У меня ж учители другие,
И до него еще я мыслил кое-как.

Любопытно, что единственная книга стихотворений Вяземского — несмотря на то, что публиковаться он начал с 1809 года, — вышла лишь в 1862 году. Книга, называвшаяся «В дороге и дома», успехом у читающей публики не пользовалась, и начиная с 1870-х годов поэт почти перестал печататься. В эти годы он жил преимущественно на водах в Хомбурге, опекаемый Верой Федоровной и все менее интересовавшийся сношениями с внешним миром. В 1878 году он умер в Бадене.

▲ *П. А. Вяземский в 1864 году.*

▶ *Надгробие Вяземского на кладбище Александро-Невской Лавры, куда прах поэта перевезли из Бадена.*

Центр поселка

Богоявленский храм и окружающий его парк — едва ли не самое популярное место в Красном-на-Волге. Храм не имеет ограды, но это в каком-то смысле даже на пользу ему: он свободно осеняет близлежащую местность своим присутствием.

▲ Как представляется, Богоявленский храм играет важную роль не только в христианском, но и в эстетическом воспитании жителей Красного.

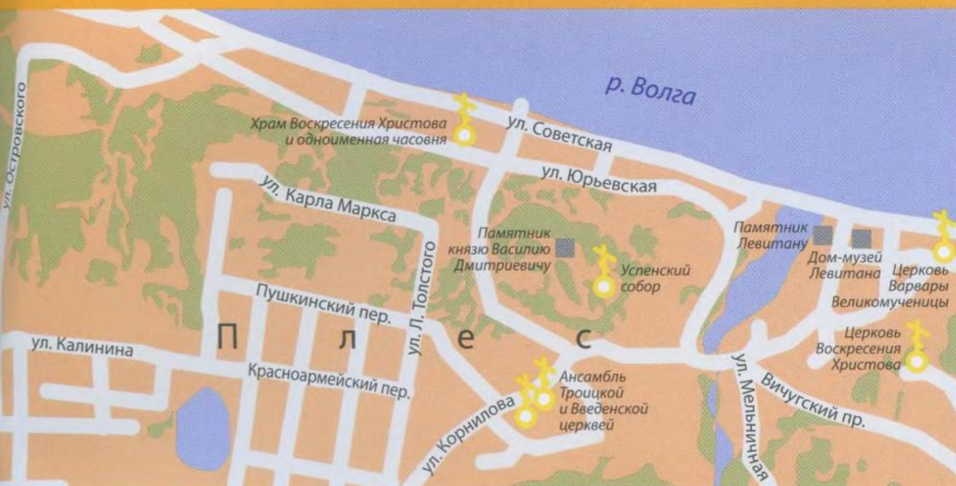
Как мы уже упоминали, в 1960-е годы Богоявленская церковь, настрадавшаяся за несколько десятилетий от «нецелевого использования», была реставрирована. Проект реставрации составил костромской архитектор Иосиф Шефтелевич Шевелев, много потрудившийся в деле выявления и сохранения памятников Костромской области.

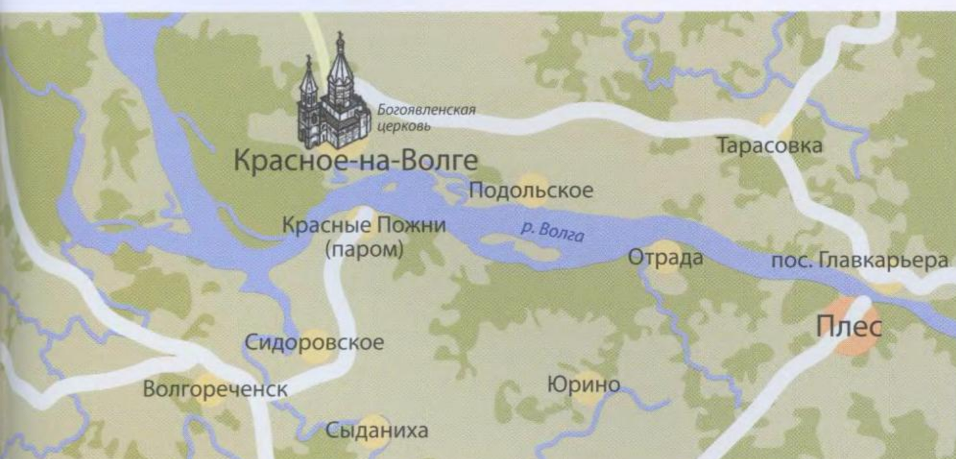
Надо отметить (и это видно на дореволюционной фотографии), что к концу XIX века храм Богоявления во многом утратил свой первональный вид, причем более старых изображений или описаний храма не сохранилось. Реставраторам пришлось восстанавливать его изначальный облик, опираясь на археологические исследования и данные, известные о других шатровых памятниках XVII века, с которыми, как мы уже показали, Богоявленская церковь находится в родстве.

Реставрация советской эпохи, разумеется, не предполагала возвращения храму его богослужебной функции. Однако она позволила ему благополучно дожить до новейших времен.

▼ К дверям храма ведет крутая лестница.

Справочная информация

Богослужения в Богоявленском храме совершаются в воскресные и праздничные дни. Точное время имеет смысл уточнять по телефону. При храме действует воскресная школа для детей и взрослых.

Контакты

Адрес: 157940, Россия, Костромская обл., пгт Красное-на-Волге, ул. Некрасова
Телефон: +7 (49432) 2-75-76
Официальный сайт Костромской епархии: www.kostromaeparhia.ru

Как добраться

Поселок Красное-на-Волге находится в тридцати пяти километрах к юго-востоку от Костромы. Автобусы от костромского автовокзала в Красное отправляются с промежутком от получаса до пятидесяти минут (с половины седьмого утра до примерно восьми часов вечера). Пожалуй, для тех, кто передвигается на общественном транспорте, этот способ наиболее сподручен. Около пятидесяти километров разделяют Красное-на-Волге и Иваново (дорога Р-600), но здесь нужно еще учитывать расписание парома, который ходит раз в полчаса между Красными Пожнями и Красным-на-Волге с 7:30 до 18:00.

В 1990 году Богоявленский храм возвратили Костромской епархии, в нем возобновилась приходская жизнь. И, естественно, начались реставрационно-ремонтные работы, связанные с приспособлением церковного здания к его исконному предназначению.

Не будучи специалистами, воздержимся от каких-либо оценок реставрационных усилий этого периода. Понятно, что предпринимались они в условиях острой нехватки средств и имели целью в первую очередь практическое благоустройство. Скорее всего, именно в этих видах шатер храма был покрыт медными листами, что визуально на пользу ему не пошло, но, возможно, послужило к лучшей его защите.

Параллельно с внешними ремонтными работами создавалось современное внутреннее убранство храма — также не поражающее воображение изысканностью или щепетильностью в следовании стилю эпохи. Тем не менее теперь он приспособлен для круглогодичного совершения богослужений и проведения приходских мероприятий — таких, например, как занятия воскресной школы.

В 2009 году, по окончании ремонта, тогдашний архиепископ Костромской и Галичский Александр совершил великое освящение храма, что стало значительным событием в новейшей истории Красного-на-Волге.

В северной галерее проходят обычно занятия воскресной школы.

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Храм в честь иконы Божией Матери «Знамение»,

Дубровицы (Московская обл.)

Такого в России больше нет. И этим сказано все. Может показаться парадоксальным, но построенная на рубеже XVII—XVIII столетий в Дубровицах, что под Подольском, церковь в честь иконы Божией Матери «Знамение» — неудавшаяся попытка создать новый стиль в русской архитектуре. «Придумал» этот необычнейший храм князь Б. А. Голицын, воспитатель и сподвижник Петра I.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+